

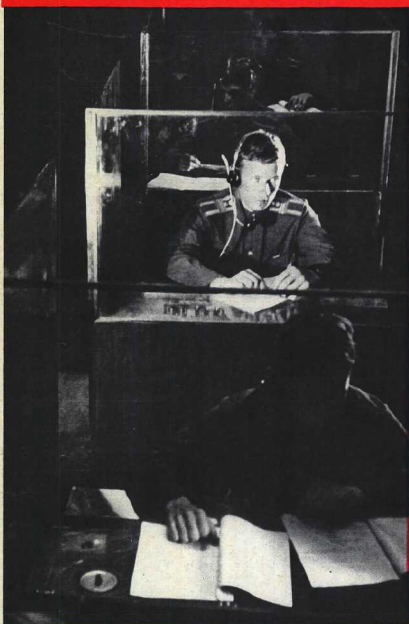
СМЕНА

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**СИБИРЬ.
РУКИ МОЛОДЫХ
ПРЕОБРАЖАЮТ ЭТУ ЗЕМЛЮ**

СОЛДАТСКАЯ ДОБЛЕСТЬ

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

Олег ЗИЧЕНКО,
подполковник,
помощник начальника Главного
политического управления
Советской Армии
и Военно-Морского Флота по
комсомольской работе

К исходу суток подразделения начали выходить к назначенному рубежу. Нужно было с ходу прорвать оборону «противника». Люди устали. Бессонные ночи, длительные переходы, огромные снежные сугробы, затруднявшие продвижение машины, измотали солдат. Но каждый помнил, что в районе, где сейчас проходят учения, в годы войны мужественно сражались с гитлеровцами части их дивизии. И солдатам казалось, что за каждым их шагом молча наблюдают те, для которых эта земля навсегда осталась последним рубежом. Они как-то особенно остро ощущали себя наследниками героев и стремились во всем походить на них.

Вот рота имени Героя Советского Союза радového Константина Шеста-

Фото Германа МАКАРОВА и Владимира ЧЕШВИЛИ

нова вышла к высоте, похожей на ту, у которой в годы войны совершил свой бессмертный подвиг рядовой Шестаков. Он должен был уничтожить вражеский пулеметный расчет, огнем прижавший к земле его товарищей. Пули свистели над головой, но Шестаков, маскируясь за камнями и кустами, упорно двигался вперед. Даже ранение не остановило бойца. Провозмогая боль, он метнул гранату и уничтожил расчет, а потом лег за пулемет и начал вести огонь по гитлеровцам. Кончились патроны, и тогда фашисты окружили Шестакова, решив взять советского воина в плен. Константин последней гранатой взорвал себя и окружающих его врагов... С того дня Герой Советского Союза Константин Шестаков навсегда записан в списки гвардейского подразделения. И теперь, спустя много лет, у высо-

ты идет комсомольское собрание роты, а Константин Шестаков, незрмый, но вечно живой, вместе с молодыми солдатами обсуждает план завтрашних действий. Решение было принято единогласно: «Действовать на учениях, как в бою, не уронить чести роты, носящей имя героя».

А на рассвете войны «шестаковской роты» встали на лыжи и, поразив все цели, вслед за танками первыми ворвались на передний край обороны «противника». Личный состав роты получил благодарность за активные действия на учениях.

Я начал свой рассказ о жизни воинов-комсомольцев армии и флота с этого эпизода, потому что он, на мой взгляд, лучше всяких общих фраз показывает напряженные будни обыкновенных парней, носящих сегодня солдатскую форму.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.

Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1030)

ФЕВРАЛЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА:
НА ЗЕМЛЕ
УСТЬ-ИЛИМСКОЙ

Фотоочерк «Огни Усть-Илим-
ма» смотрите на страницах
12 - 17.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

2

ОРУЖИЕ РЕВОЛЮЦИИ.
РАССКАЗЫВАЕТ
МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С. М. БУДЕННЫЙ.

20

ЮНОСТЬ
ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА НАШЕГО
ДОСЬЕ НА ГЛАВНОГО
ПРЕСТУПНИКА XX ВЕКА.

24

БЕЛАЯ СТИХИЯ.
ОЧЕРК О ГОРНОЛЫЖНИКАХ.

27

ВОРОНИЙ МЫС.
ВОЕННАЯ ПОВЕСТЬ
МИХАИЛА БАРЫШЕВА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ТВОРЧЕСТВО. ГОВОРИТ
ФРЕЗЕРОВЩИК ОДЕССКОГО ЗАВОДА
СВЕРХТОЧНЫХ СТАНКОВ

СТОЛЕТИЕ ПОДВИГА ПАРИЖСКИХ КОММУНАРОВ

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО:
МОЛОДЫЕ УЧЕННЫЕ-МЕТАЛЛУРГИ
РЕШАЮТ «РЕЛЬСОВУЮ ПРОБЛЕМУ»

«СИЛУЭТЫ».
НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашишвили, Г. П. Евринов, К. Н. Занозин, А. П. Ку-
ляшов, А. А. Луканов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [замес-
тель главного редактора], Р. И. Ромидзественский, Е. И. Рабчинов,
Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник],
В. Е. Томашивич.

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина

ШАША БУДУЩЕГО

30 мая 1970 года миллионы телезрителей в нашей стране и за рубежом были свидетелями волнующего зрелища: в Кремлевском Дворце съездов на заключительном заседании XVI съезда ВЛКСМ прославленный полководец гражданской войны, трижды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза С. М. Буденный торжественно вручил ордена боевого заслужения комсомола 70-х годов. «С этой шапкой я защищаю наше Советское государство», — сказала Семья Михайлович. — От души желаю молодёжи больших успехов в дальнейшем развитии нашей революции, в утверждении побед нашей Родины. Храните боевые традиции и несите их вперед и вперед».

В прошлом году в «Смене» № 1 была опубликована беседа корреспондента журнала с выдвинутым в дальнейшем развитии нашей революции, в утверждении побед нашей Родины. Храните боевые традиции и несите их вперед и вперед».

В прошлом году в «Смене» № 1 была опубликована беседа корреспондента журнала с выдвинутым в дальнейшем развитии нашей революции, в утверждении побед нашей Родины. Храните боевые традиции и несите их вперед и вперед».

В прошлом году в «Смене» № 1 была опубликована беседа корреспондента журнала с выдвинутым в дальнейшем развитии нашей революции, в утверждении побед нашей Родины. Храните боевые традиции и несите их вперед и вперед».

Фото Виктора САМКА

Нелегко людям нести службу вдали от огня больших городов, у изломов холодных склол или среди безбрежных степей; нелегко не видеть небо и звезды. Но чувство долга, высокая ответственность помогают нашей молодёжке перенести все тяготы и испытания армейской и флотской службы. Ведь они — эти будни — требуют от человека куда больше мужества, чем кратковременный порыв в исключительных условиях. Черты такого «повседневного» героизма проявляются сегодня в напряжённом труде воинов, поддерживающих постоянную боевую готовность.

А что значит сегодня быть в постоянной боевой готовности? Как известно, военно-техническая революция предъявляет воинам жесткие требования: в тех же временных границах все делать быстрее, надежнее, лучше. Действия ракетчиков, авиаторов, подводников, воинов других видов и родов войск протекают в условиях, где шаг, даже правильный, но несовершенный, равняется тяжелой ошибке. И нигде, пожалуй, не научившись так высоко ценить время, как в армии. Борьба за время служит патристическими почвами армейского и флотского комсомола: «Поражать цель с первого выстрела», «Подготовить себя заранее», «Ничего действовать по дневным нормативам» и другие.

Прошедший год являл особое место в истории комсомольских организаций армии и флота. Он был наполнен такими важнейшими событиями, как 100-летие со дня рожде-

ния В. И. Ленина, XVI съезд ВЛКСМ, 25-летие Победы нашего народа над фашистской Германией, 50-летие выступления В. И. Ленина на III съезде комсомола. Сейчас уже можно назвать и конкретные результаты большого политического и трудового подъёма, охватившего всех комсомольцев, всех личный состав армии и флота: увеличилось количество отличных частей и кораблей, каждый второй комсомолец стал отличником боевой и политической подготовки, почти 80 процентов воинов-комсомольцев завоевали спортивные разряды.

На крупнейшей маневр «Двина» и «Океан», на учении «Братство по оружию» советские воины еще раз показали, что они отлично владеют самой современной техникой, стремительны в наступлении, стойки в обороне, выносливы в походе.

А ныне дела и мысли комсомольцев армии и флота отянули подвигами и достойной встрече XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. В авангарде соревнования стоят воины гвардейского танкового Проскурово-Берлинского ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Кутузова полка имени Г. И. Котовского. Комсомольцы, все молодые воины почти показывают образцы трудолюбия и настойчивости. Уже сейчас 60 процентов молодых воинов являются отличниками боевой и политической подготовки, 80 процентов комсомольцев работают на уровне специалистов I-го и 2-го классов, свыше 80 процентов

экипажей и отделений, которыми командуют комсомольцы, стали отличными, абсолютное большинство воинов успешно занимается спортом.

Хороших результатов добились также Пугачевско-Кировский полк ПВО, подводная лодка «Ленинский комсомолец», вертолётный полк имени В. И. Ленина и многие другие части и подразделения Вооружённых Сил. Ленинский зачет в честь XXIV съезда партии, в котором активно участвуют все армейские и флотские комсомольцы, способствует более быстрому, лучшему освоению программы боевой и политической подготовки.

В части, где секретарем комитета ВЛКСМ Юрий Соронин, члены комитета, посоветовавшись с командиром, прежде всего решили усилить заботу о повышении теоретической и технической подготовки молодых воинов. С помощью коммунистов они создали в подразделении техническую кружку, руководителями которой стали комсомольцы-офицеры Кравченко и Носов. Многие вечера провели они с солдатами, помогая им досконально разобраться в наиболее сложных электрических схемах и устройствах. Сергеевич Владимир Уваров, Николай Опанасенко, ефрейтор Зураб Олсанский и другие комсомольцы увлеченно штудировали литературу по основам ядерной физики, электроники, радиотехники, математики. Настоящий спортивный азарт вызвали технические «бои» и викторины, определявшие лучших специалистов. Вечерами некоторые классы, где под руководством офи-

церов трудились рационализаторы, напоминали настоящие конструкторские бюро. Воины коллективно обсуждали поступающие предложения, сооружали стенды, чертили схемы... Результаты не замедлили сказаться: выросло число отличников, классными специалистами в расчетах стали все воины, каждый комсомолец овладел смежной специальностью, а часть за создание образцовой учебно-материальной базы награждена переходящим вымпелом.

Для нашей армии никогда не был в диковинку солдат с карандашом в руках, склонившийся над ленинской строкой. А ныне это и вовсе стало обынным. В свободный от службы час комсомолец Анатолий Сторужку идет в читальню и штудирует очередную десятку страниц из ленинского тома. Сторужку не студент-заочник, не слушатель вечерней партийной школы. Он читает и конспектирует Ленина для души, для удовлетворения своей внутренней потребности в мудром слове. Ленинская мысль освещает для него всю панораму коммунистического строительства в стране и его собственные будничные дела и заботы. Ленинская мысль подсказывает для него всю панораму коммунистического строительства в стране и его собственные будничные дела и заботы. Ленинская мысль подсказывает для него всю панораму коммунистического строительства в стране и его собственные будничные дела и заботы. Ленинская мысль подсказывает для него всю панораму коммунистического строительства в стране и его собственные будничные дела и заботы.

Анатолий не одинок. Тысячи комсомольцев и молодых воинов в ходе Ленинского зачета потонули в знаниях, к ленинским идеям, к произведениям основоположников марксизма-ленинизма. Военная служба требует от человека не только высокой квалификации, огромного трудо-

**Специальный корреспондент «Смены»,
автор первого номера —
Александр ЗОЛОТУБОВ
на приеме у
Семена Михайловича БУДЕННОГО**

С этой шапкой я пролежал не одну войну, — сказал Семен Михайлович. — Поверьте, было что-то совсем сердца моему с ней отдало. Не раз она вырвалась у меня в легкой атаке...

И маршал вспоминал ту войну. В январе 1919 года на подступах к Чирчыму шаг тяжелее всего. Глубокой ночью он поднялся по тропеке свою дивизию и форсированным маршем двинул ее к югу Вертвич. Путь было отрезать белогвардейцам, заставив их отступить. Но в это время тропеку предостало осваивать из плеча целую бригаду 39-й стрелковой дивизии, а также вывезено с тыла стачивать группу генерала Попова.

И Конкина алко удавил по врату. Золоту буденов. Попов и его нацитаба подаловник меня убилты, но тут со мной произошла такая история...

В самый разгар боев Буденный видит, как спешит командир полка Рабышев за белогвардейцами, хочет заручить его, да так увлекся, что и не заметил, как сзади его нагоняют два казака и вот-вот ударят в спину. Рабышев Буденный Рабышева на помощь и буквально над его головой отбился сразу обе шапки казаков. Рабышев отползнул, заручив одного из преследователей и сказал: «Вот черт, совсем не заметил, что смерть на спине сидит!»

— В том бою, — говорит Семен Михайлович, — ударяя я по казачьим шапкам так, что у одной из них казенок вылезло наружу, а на моей шапке лишь малая парашка. Выдохнул.

Спрашиваю маршала, откуда у него эта шапка.

Я привез ее с собой домой в 1917 году. Когда солдат распускали по домам, им раздавали мушкетеры и оружие. Я взял с собой шапку, палатку, мушкетер и все это — в мешок. Тогда на Украине были известны гайдамаки. У всех фронтонков они отбирали оружие. Когда я шел по тропеке, на меня в Нежине шел на поезде, выдал себе за охранника зэшка. Так и добрался до дому.

Это до Октябрьской революции, а досле?
— В 1917 году, — продолжает Семен Михайлович, — с этой шапкой я пошел защищать револю-

любыя, готовности к перенесению любых трудностей, но у меня не мыслишь широко, перспективно, предвидеть развитие событий, а есть наметить ответственность за свое самостоятельное решение. Это по плечу только людям с высокой идейной убежденностью и принципиальностью, с марксистско-ленинским мировоззрением.

Все дела, поступки нашей армейской молодежи говорят о ее идейной зрелости. Воин, относившийся к ответственности за свое дело и своему долгу, идет самым верным маршем к победителю и подвигу.

Ефрейтор Александр Троцкий и Владимир Лисицкий — отличники подразделения. Их фотографии находились рядом на доске отличников. Лучшие специалисты, спортсмены, а вообще-то самые обычные воины-отличники, очень много в каждой части. Раскрылись они по-настоящему в обстановке, приближенной к боевой.

На объекте возник пожар. Рядом, у командира Владимира Кавалеридзе, которого не оказалось. Много раз они кидались в огонь, спасая имущество, документы. Загорелся орудие, окатышки покрывали лица и руки, но Владимир Алексеевич не покинул место боя. Выскочил из пламени в последний раз, Троцкий не увидел рядом друга. Наткнув протеревший протиснулся, он снова ranулся в огонь.

Когда принимались поворачивать машины, товарищи нашли его в самом начале выхода. Александр Троцкий крепко прижал к груди Владимира

Крику. Боевая с ней протерев Аникина, Манюкова, Шкуру, Гинькобуева, Павлова, Врангеля. Было, было не давал нам покоя, и даже спал, не спим шапку. Что для меня была революция? Кончатся патроны, и хоть вырваться его. А у шапки всегда камок острый. Я очень берет ее. Орудие Миче. Иванович Калинин промала у меня эту шапку.

— Как это было, Семен Михайлович?

— Когда я был в командирский корпус 4 ноября 1919 года вместе с председателем ЦИК Украины Григорием Ивановичем Петровским. Разъезд бойцов «взвал их в плен»: оба были одеты в донские казачьи пиджаки, вот и привели их к бою. Словом, как-то чудные люди, — доложил себя. — Види, говорит, к Буденному. Один называет себя председателем России, а другой — председателем Украины. Всею дорогу нас агитировали.

— Это была первая встреча Буденного с Калинин. Михаил Иванович беседовал с бойцами, рассказывал им о положении в республике, присутствовал на боевом учении. Вечером оба гости собрались в дорогу. Калинин не то серьезно, не то шуточно сказал:

— А оружием ты у нас нет... И, увидев у Буденного шапку, спросил: — Может, ее дадите? Буденный ответил: — Иванович, шапка не выкрутит, если упадут башмаки, — ведь мы раньше не надевали его. Я услыше дам разъезд для охраны. Калинин подержал шапку в руках, потом вернул мне: «Хорошо. Но я действительно не умею с ней обращаться. Вы прощайте!»

— А спустя почти год, когда Конкина велл ожесточенно бою на Польском фронте, — продолжает Буденный, — эту шапку хотел подарить очень храброму человеку, постолеющему герою, да не успел.

Этим героем был Семен Михайлович Потоличев, в ту пору командир 2-й бригады 11-й кавдивизии. Буденный высоко ценит своего тезку — его бригаду считали лучшей ударной силой дивизии.

— В одном из боев Потоличев особо отличился, — продолжает Буденный, — захотелось отметить его, и я предложил ему свою шапку. Он рад был моему подарку. «Потом, — вспоминает командир, — разрешили принесть награду».

Через несколько дней Потоличев погиб.

Армян ли вы еще кому-нибудь свое боевое оружие?

— Да, предателем Компартии США Ульяном Фостеру. Владимир Ильич Ленин пригласил меня

Литву. Видно, не хватало у него сил и энергии на несколько шагов, чтобы спасти товарища и выйти из огню самому.

На следующий день коммунисты части обсуждали заявление комсомольца Литвы с просьбой принять его в ряды КПСС. Пожалуй, впервые в мирное время на собрании не присутствовал автор заявления.

Отец Владимира Литва пал смертью героя в годы Великой Отечественной войны. Перед своим последним боем он написал заявление коммунисту. Сын-комсомолец погиб на боевом посту в мирные дни. Верный присяге, он боролся до конца, не щадя своей жизни, и умер коммунистом.

...Заканчивалась служба в армии комсомольца Николая Кузнецова. Сколько поощрений заслужил ефрейтор, сколько благодарностей от товарищей на комсомольском собрании, произошедшем в последний день службы Николая Обсуждался его просьба дать путевку в Сибирь, на ударном комсомольском собрании. «Доступи путевки!» — решили единогласно.

Но на строительство Запавдо-Сибирского металлургического завода Николай Кузнецов так и не приехал. Приходя в последний раз по городу, с которым породнился за время службы, он услышал тревожные крики: бросился к озеру. На своей стороне, лежа в полене, барахтались два мальчика. Не задумываясь, Николай прыгнул в ледяную воду. Через несколько минут в ледяной воде не было из них на лед, но сыны были уже на

на заседании конгресса Коминтерна. Перед началом работы группы делегатов, а их было и я, окружая Ленина. Тут был и Фостер. Ленин сказал: «Это товарищ Буденный, наш кавалерийский начальник». Сначала разговор шел о Красной Армии, потом о буденных, о буденных. Сказал: «Что это у вас за оружие?» Я ответил, что капиталисты всего мира шли на нас войной, пытались захватить Советскую власть. Тут и била всех, шапками рубаном. Это — наше оружие для защиты республики. Если бы не было этого оружия, мы бы поварить ее мне! — спросил Фостер. «Нет, не жалко, — отвечаю, — только нам надо научиться владеть этим оружием».

Ленин, слушавший наш разговор, покаяние поклялся, что как надо рубить и как защищаться. Я вынул шапку из ножен. Фостер воскликнул: «О, это опасная штука! Вы правы, товарищ Буденный, надо уметь обращаться с нею». Тут же отдал Фостеру шапку. Он сказал: «Спасибо, я буду хранить ее как символ революции в России».

Много лет спустя, — продолжает Семен Михайлович, — Ульяном Фостер пришел в СССР и лечился в санатории «Юрмала». Я тогда тоже там находился в госпитальной палате. Однажды мне сказал, что Фостер просит меня зайти к нему. Мы долго беседовали, вспоминали Ильича и тот волнующий эпизод... На прощание объяснил, как старинная шапка.

Есть у маршала Буденного и другие шапки, очень дорогие для него.

Так, например, за личную храбрость и мужество в боях с францезскими ВВС Южного фронта награжден С. М. Буденного боевым оружием серебряной шапкой.

— Врангеля, — сказал Буденный, — потерял жестоко поражение. Позже и своих немучарих он писал, что ему удалось спасти 126 человек из Крыма 145 693 человека, не считая судовых команд. Врангеля изрядно приврал: ведь с ним бежали не солдаты, а парские чиновники, капиталисты, помещики — остатки смешанных имущественных классов. Но дело боямых частей отдалось немногим. По нашим данным, Врангелю удалось эвакуировать вместе с беженцами всего 38 тысяч человек. Подмывающее большинство врангелевских солдат и офицеров бежало в Крым.

Врангелю отверг ультиматум советского командования, или попал в плен. После окончания боя в Севастополе меня и Калмента Ефремовича Ворошилова наградили медалью революционного оружия.

Нет, в 1921 в Бессарабии Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов

новым характером, с новыми узавтками, с новым типом повоевания».

Мне вспоминались эти слова не только тогда, когда я знал об отличном солдате комсомольце бойце Деимине. Его мать очень беспокоилась за своего сына, ушедшего в армию: не окончил ли школу, не бежал ли из армии, неопытный. Прошел год службы, и мать стала получать от сына интересные письма. Вот одно из них: Я начинаю любить и заводить семью, но каждый человек должен обывать в армии. Это — настоящее испытание на прочность. Я ведь совсем не молодой, какин был год назад. Могу похвастаться, что в армии я много показав, сделать на брусках стаям и выжать 60 килограммов. Здесь у всех отличное здоровье. Словом, моему отцу надо любить и заводить семью, мои командиры.

Молодежь проходит в армии чрезвычайно важный этап в своем развитии. В армии выявляются ее лучшие ценные качества. Более 94 процентов опрошенных в одном из соединений воинско-комсомольцев, увеличивших в армии свои знания, отметили, что доля их военных служб, — высоко оценили ее значение в личной судьбе, но армия отнюдь не главный, решающий для всей последующей судьбы молодого человека вопрос: какин быть?

Быть воином, гражданином, патриотом, быть беззаветным борцом за идеалы коммунизма — вот заповедь лучших защитников комсомольцев, верных восточников Родины.

награда «командующего 1-й Конной армии товарища Буденного Семёна Михайловича, руководящего действиями 1-й Конной армии, оказавшей неоценимую решительную поддержку Другим частям Красной Армии на Юго-Западном, Западном и Южном фронтах, в наступательной операции, установленной в настоящее время», — почетным орденом Красной звезды, — почетным орденом «Красного Знамени».

Жизнь памяти не только награды — после небольшой паузы сказка Буденный. А. Орду, медаль, шапка — это всего лишь вещи в жизни. Мы шли в бой за революцию, и никто из нас не думал о славе или наградах. Мы приспосабливали партизанскую тактику. А приспосабливать — это обдумывать, а долг. На XVI съезде комсомола я вспоминал историю замечательной молодёжки. И подумал тогда: шапка моя попала в надежные руки. Верю, что подвиги Адама и отцов свои преумножат.

Потом разговор у нас закончился еще об одной уникальной шапке. В опубликованном в 1987 году статье А. И. Микояна «В Чечне» описывалась встреча А. И. Микояна, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и М. К. Левандовского в январе 1923 года в Чечне (она входила тогда в состав Терекской республики) для проведения организации автономии чеченского народа. В Урус-Мартане состоялся митинг, на котором выступали К. Е. Ворошилов и А. И. Микоян. Затем взял слово С. М. Буденный. С большим подъемом он рассказывал о подвигах Красной Армии в гражданской войне, о победах, одержанных над Деникиным, Колчаком, Врангелем.

«Чеченцам явно импонировал вид Буденного», — пишет в своих воспоминаниях А. И. Микоян. «Он с интересом и смятенной улыбкой на него, внимательно слушал. Было слышно, как то здесь, то там чеченцы с восторгом произносили на своем языке: «Большой генерал!» Буденный оделся в кожаную военную форму. На боку висела пистолетная эмира бухарского, свернутая серебром и разноцветными камнями. Широкая красная лента, перекинутая через плечо, ярко бросалась в глаза. В общем, Семён Михайлович своей подлинностью и некоторой торжественностью проводил эффектное впечатление, не говоря уже об обаянии и натуральных буденновских устах».

Один из читателей «Смеяны» прислал в редакцию письмо с просьбой рассказать о шапке эмира бухарского. Этот вопрос и я адресую Семёну Михайловичу.

— Точно написал Анастас Иванович. Было такое. Я обычно никогда не рассказывал со своей стороны о шапке, а тут Анастас Иванович посоветовал мне взять шапку эмира. «Пусть лучше знает, что Советская власть покочыла и с эмиром Бухарским», — поддержал его Ворошилов. Ну, я и взял эту самую шапку.

— Вы, наверно, слышали, — продолжал маршал, — что эмир бухарский Саид Алим-хан был единственным правителем Бухары. Алим-хан жестоко эксплуатировал трудящуюся народ, из года в год увеличивал налоги и сборы. Когда вспыхнула восстание, части Красной Армии пришли на помощь революционным массам. Сперва маршалом в Бухарском фронте руководил Михаил Васильевич Фрунзе. 2 сентября 1920 года штурмом был взят город Регистан — твердыня бухарского эмира. Сверхутлый Алим-хан бежал в Афганистан.

Теперь о том, как попал ко мне эта шапка. После разгрома Врангеля группа командиров, в которую входил и я, по призыванию Оружо поехали в Ялту. Остановились в бывшем дворе эмира. Там нам рассказали об этой шапке. «Где она?» — спросил Фрунзе. — «Находится ее сокровище в Мокшуду. Но она так сильно боялась Семёновна, что оставила и свою коновозку. Во время гражданской войны известный был на всю Россию Стрелюцкий конный завод был разгромлен белобандитами, и один из его знаменитых жеребцов — скакун Циняид — оказался у Врангеля. Реконвасновала подвела коня мне. Несмотря на трудности военного времени, удалось переправить жеребца на конный завод. Циняид стал родовым конником новых вояждов терских лошадей».

Раз уж речь зашла о Врангеле, — продолжал маршал, — расскажу еще один эпизод. У Врангеля был аллюбийный конь Циняид. На этом белом жеребце «черный барин» собирался выехать в Мокшуду. Но он так сильно боялся Семёновна, что оставил и свою коновозку. Во время гражданской войны известный был на всю Россию Стрелюцкий конный завод был разгромлен белобандитами, и один из его знаменитых жеребцов — скакун Циняид — оказался у Врангеля. Реконвасновала подвела коня мне. Несмотря на трудности военного времени, удалось переправить жеребца на конный завод. Циняид стал родовым конником новых вояждов терских лошадей».

Хочу пожелать читателям «Смеяны», всей нашей замечательной комсомольки, — сказала в заключение нашей беседы Буденный, — помнить о революционных, боевых и трудовых традициях нашего народа. И не только помнить — на деле преумножать их.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Если глядеть из Москвы, то географически Якутия — край неблизкий и потому вроде бы удивительный от караванных литературных путей и книжных ярмарок России.

На деле же это совсем не так. Литературная Якутия в своих лучших образцах давно и прочно завоевала пристальный вниманием всеобщего читателя, и большая заслуга в этом современной якутской поэзии.

Книжки и журнальные публикации не только утвердили в нашей многоязычной литературе и ранее известные имена якутских лириков, но и шире представили много новых талантливых поэтов, едва ли не впервые завоевавших по-русски.

Общаям характерным отличием якутской поэзии последних лет является ее живая тесная связь со всеобщими темами и проблемами при максимальном сохранении национальных форм поэтического мышления. Сегодня также обходится уостью повлечь случайно возникающее обращение к жизни и литературному опыту других народов Востока, поэзии русского. Традиционный стиль обобщается чрезвычайно. Выбывают и категорично уступили место зрелым, неторопливым философским раздумьям. А в пейзажной лирике, так характерной вообще для якутской поэзии, все ярче, все ярчине стала проявляться личность самого поэта. Обобщение, например, нужно исходить в том, что современная якутская действительность с ее небывалой культурной сложностью быта и труда, с индустриальными ритмами жизни неизмеримо разнообразила духовные заботы северного человека, гражданина доброй, необъятной нашей державы.

Анатоль ПРЕЛОВСКИЙ

Моисей ЕФИМОВ

Чорон

Круга другой я дома принимаю,
среди застолья слова попоршу —
и родовые кубки наполняю
и всех гостей кумосом обношу.

Вы посмотрите, как светло и ровно,
похож на задушенный разговор,
по стенкам деревянного чорона
бегит и не кончается узор.

В нем сияют стволы бороздал,
уменьцев давних темная суаба.
Вот мчатся кони, время обгоняя.
Вот высится нетленно городба.

А вот бредут неровные вершины,
и лыжный след, и звоиные штрихи.
А там уже положе, что машины,
и скорпины, положе, что стили.

И Лена неспешно стволы сдает,
уменьцев давних темная суаба.
И над ее стремительной водою
застыли пикн скальные гольцы.

Вглядитесь и прислушайтесь —

и в отзыви далеких дел и дней
консутся слуха, обласкуют руки
непредвиденной восточной своей.

Прислушайтесь, вглядитесь —

и прекрасный
амр, заключенный в тесный ряд

и знамен,
пред вам распахнется, чтобы властно
позвать с собою в глубины восток.

Оттуда донесет олонюста
неторопливый и живой расказ.

И дивушка сплет — и что чудно
перенесет на века в век и нас.

Иной художник на ином чороне:
сплоши на полярном небосклоне
и спутник среди них, как метеор,
и крестный ятэс, и канал створы.

Вильсийский ГЭС бесчестные огни.
В орнитивт включенном ритме
уменьел, о наших дикх поведуют они.

И кто благоговейно прочмат
тек символов скупые письмена,
они, как и мы, о предках все узнают,
к себе приблизит наши времена...

Так пусть в веках бегит слово —

и ровно,
как Лана среди своих бесслетных

гор,
по стенкам деревянного чорона
якутской незатейливой узор!

Коннок УРАСТЫРОВ

Утренние песни

Рано-рано в комнате дошарой
и прорусу и подойду к окну
и заре братственно крылатой
сонные ладонн протыну.

И унылые солнечные всплески,
и пронизусь свежестью трав,
и замечу стадо в перелеске,
и услышу музыку листы.

Музыка мукающего утра
сердце переполнит мне с утра
и толкнет извлекательно и мудро
на дороги жизни и добра.

И под жарким северным сиянием
солнца, восходящего в зенит,
песенно, родившись утром ранним,
мажоронно и полноду завенит.

А когда мне голоса не хватят,
я отправлю песенку в народ:
непренеменно кто-нибудь подхватит,
непренеменно кто-то доплет.

Жизнь

«Прекрасна жизнь! Прекрасна! —
не боюсь
высоких слов: они от повторения
не потеряют силы и значения.
И в старости я юным остаюсь!»

Прекрасно ты, о тавгие лесов,
когда природа жаждет обновить!
О листопад, лесная отцветца,
прекрасен ты в преддверье злиных
снего!

И дождь, упавший с неба на поля,
и ветер, прошивший над поляной,
и запах листв, истовый и яркий,
прекрасны чудеса твои, земля!

Прекрасна жизнь, горе и успех,
что испытать приходит человека
на прочность и на истинность. От века
прекрасен женский взгляд и детский
смех.

Всегда к добру, как ветка в вешнюю,
всегда к уюту, как раба в домну,
стремится жизнь. Я тоже не пренеми
уйти. Но белым свет не проклян!

Но, слов sentimentalных не боюсь,
скажу и на одре, что жизнь прекрасна,
и смерть прекрасна, если не напрасно
ты проиона, не теряя с миром связь!

О Родине

Доброты высоко начало
в каждом сердце громче зазвучало.

Широко раздвинувши границы,
где мне жить свободным и трудиться.

И нельзя исчислить миль измерить
то, чему привык я с детства верить:

никому не отдадут народы
кровью завоеванной свободы.

Родины высоко начало
в каждом сердце громче зазвучало.

Целью воззвельены одною,
племена зовут себя странною.

Сколько нас, нерусских, у России!
Сколько звезд в ночной небесной
сини!

Благодарность

Благодарю тебя, Якутия моя,
что родила меня, не опоздала
во времена и, ласки не тая,
со мною поделилась всем,

ты знала, что я буду
Ты мне, мальчишке, подвела коня
и научила не бояться бега,
потом тайгой проверила меня,
парой пожаров и бесплодьем снега.

Благодарю тебя, Якутия моя,
за все мои открытия и обиды,
за радость видеть отчие края,
за честь писать стихи о том,

что видел, что ты провела меня по всем
кругам
прекраснейшего жизненного
ада,

уча любить друзей,
не доверять врагам

и за добро не требовать награды.
Благодарю тебя, Якутия моя,
за то, что ты далеко видны:
мелодичные, горячие моря
у древних берегов своих

предвидишь. За то, что ты поставишь города,
просторные, с домами крепче
стали,

в местах таких, где люди
никогда
о теплой крыше даже
не мечтали.

Благодарю тебя, Якутия моя,
за то, что, если мне эзевент
сны,
меня соронят верные
друзья

в святых местах, где пращуров
могила,

Где жили поколения певцов,
и воинов, и пахарей
счастливых —
в земле моих излучинных
отцов,
в земле детей моих
вольнлюбивых.

Благодарю тебя, Якутия моя,
за то, что в жизни все
двигалось с бою,
что, постигая сущность бытия,
в конце концов я стал самима
собою.

Что, сын твой медноскуный,
победив
снега и льды, болезней и
соблазнов,
для песен о тебе я свой нашел
мотив —
и вот пою о том, что ты
прекрасна!

Служба вечной мерзлоты

На змийной улице, за ледяным
стеклом
свистит поэмка. Замерло движение.
А ты склонилась за своим столом,
где в микроскопе древние растения
всегда цветут на фоне голубок.

Как в почве Севера, промерзшей
до осин,
находишь ты реальные прилеты
исчезнувших давно материков!
Как изваявшая ты следы былых
лесов
из безднм древнекаменного лета!

Когда свершился этот поворот,
не помнят люди, помнят только
камни.

Снегу девической мечты полет
и знаю, что горячими руками
вспять климат ледниковый повернет.

Народ и Родина — все за твоим
плечом
стоит, не дышит, чтобы нагадаться
на то, как, тронуту прозрительным
лучом,
здесь эволюция самой воскреснет
действо,
кому века, и лед, и климат вничьям.

Любовь и судьба

О, если бы знать мне, о, если бы знать,
зачем это плещут дожди надо мной!
О, если б хоть раз довелось угадать,
за кем это гонится ветер лесной!
Прости меня, мать: твой единственный сын
уходит далеко от дома родного,
завернувшись синьвым шерстяным,
преодоленным подъемом крутого.

О, если бы все же разведать, о ком
токуют волны под синей горой!
О, если б расслышать, зачем это гром
попоспая и соросит с тучей сыррой!
Прости же, родная моя сторона,
за то, что до края, до дорожки, до болота
люблю тебя верной любовью зерна,
еще не проросшего в отческом поле.

О, если бы только уметь понимать
распыля золы на родимой реке!
О, если б хоть раз довелось угадать,
что снится, что грезится милой тайгой!
Ведите же дальше, любовь и судьба!
Меня не страши неудач, невзгоды,
Была б под ногами потверже тропа,
целя б моя Родина долгие годы.

Савва ТАРАСОВ

Солдаты

Уходит молодость в солдаты,
ступает за родной порог,
так безмятежно и крылато
надев на плечи вельщюнок.

Суровость ваюная на лицах.
Протяжный вздох.
Короткой смех.
И разноцветно серебрится
лхих ушаюк штатской мех.

Вот выстроены по району.
Вот прогремело: «Шлагбаум армя!»
Пошла слушать надежда мира,
нам молодник, подлесок наш.

А мы, стареющие корин
не стравляя от земли,
еще пристраивая и упорной
живем, где жили и росли.

И вслед поющему отряду,
что за солдатскою судьбой
ушел, ладным рукой —
и рады
гордиться ими, как собой.

А тех мальчишек узкоплечих,
что побеждали на войне,
или в ровесники я встречу,
иль разглядите вы во мне.

Осень

Какая тишина! И почему такой!
Еще стоит вся в золоте листья
родная роща: млеет, когда подует
полярный ветер, вестник листопада.
Земля грустит во власти тишины,
последнее тепло свое даруя
мне, боснокозую. Щелочет лютим
одрва-одрва прихосшая степня.
И западной осени пора
обманно обещает потепление.
Но почему так радостно и грустно!
Зачем и я устаю от тишины
и света, и тепла! Зачем мороза
так жду я и предизмыную теплу
не верю!

А могучая земля
лежит передо мной на все четыре
прекрасных стороны и почему-то
еще меня бьютает и медлит
сказать, что точно так происходит
детство.
Прошло. А юность где-то
задержалась.
И радостно и грустно оттого.

Рисунки Михаила ПАТКОВА

Лебеди

В озере два лебеда белеют, целый день белеют на воде и от горя закричат быстрое: молчаливы лебеди в беде.

К обаякам вытязывают шен, на траву выходят и дрожат, и трава становится рыхлее оттого, что в ней они лежат.

Наступает злое время года. Птицы край покинули давно. Лебедей не радует свобода, синее но веселит пшено.

Им взлететь бы над осенней трудной, крепкой грубою облака пробить, задыхать прерывисто и трудно, над зеленым прощально протрубить.

И помчаться адаль от океана по дороге памяти своей — к теплым водам, в солнечные страны, где белым-бело от лебедей.

Но печальны, тцетны их усилъя оторваться от холодных скал... Кто! Зачем порезал птицам крылья! Для чего к земле их привязал!

Пусть всегда летает, что летает! Пусть ползет, чему ползти дано! Пусть неволи никогда не знает То, что для свободы рождено!

Пусть, который где-то кто-то начал, путь не рвется по вине людей!

Это говорю вам я, кто плачет возле тех бескрылых лебедей.

Семен ДАНИЛОВ

Метельная ночь

Над Сиза, над родной моей рекой, снега слесилс, как бошенье кони. Сгибались елк. Мрак шевял такю, что но ужветь собственной ладони.

Случис несчастье — некому помочь. Волков почуя, спрятались собаки. Мне довелось родиться в эту ночь! В морозной юрте. В нищете. Во мраке.

С той, видно, незапамятной поры во мне упроренилась надежда эта — в краях родимых вознзгнет костры, чтоб мрак метельной послабел от света.

Чтоб мой потомок, свет моих очей, родился бы в тепле и для счастливой жизни, чтоб беззадумных, страшных тех вичей не зналъ моей сегодняшней отцине.

Пожилой человек

Лишь покониши кемало, узнаешь цену жизни, прекрасной всегда, цену знаний, любви и свободы.

Удивленной душой постигаешь эту горькую сладость труда, эту власть над тобою природо.

И теперь я наверно знаю, что на свете нельзя без любви и что счастье без горя не счастье.

Что, жывая для себя, умираю, что спел, если рядом с людьми, что мукает надежда на несчастье.

Лишь теперь, пожилой человек, зная губы и света и тени, а о жизни могу говорить.

Потому что свой прожитый век, все печальи, утрат и сомнения, без ослеси смогу повторить!

Юрий СБИТНОВ

1.

Медленно прошли по лукоморью. Море тихо катило волны, покачивая на хребтах белые громады льдин: все ближе подступал к земле прилив, и вместе со льдами подошли к острову нерпы. Они кормились на чистой воде, нырком уходили вглубь и снова появлялись над водой с трещающей в устах пастой рабфой.

Миноговоры со Славкой поднялись в тайгу широкой просекой, по которой зимою возят в поселок дрова. Сели на колодине. Далеко внизу, у залива, едва различимо виднелся домик Кеши, лабаз, баня и ошавши, склнннвшис набок стожок прошлогоднего сена. Чуть подальше белели паватики геологической партии, рубленый до старой американской фактории который тоже занимала партия, два податанных сарая (свежие доски особенно ясно были видны отсюда) и еще дальше — дома недавно оборудованной на острове метеостанции. Насколько хватало глаз, вокруг разлилось светло-зеленое море тайги с отчаянно большими замаявшими цветущей черемухи. Ее крупннше, словно бы виноградные гроздья повисли над самыми людьми. Сладкий запах мешался с дурманящим запахом цветущего багульника, и Миноговору порою казалось, что он вот-вот захмелеет от этого густого, сладкого воздуха, и обиннет Славку за плечи, и начнет быстро и много говорить о себе, о Нине, об Иринеке — обо всем, чем жиял он и жинет, и о том, что зовес никакой он не Николай, которого молодые ребята в партии, как и этот парнишка, порою называют «бата», а такой же, как они, наивный и ничего-то не знающий ни о людях, ни о себе...

Славка ловко вскарабкался на черные крутые ветви черемухи, сел там наверху среди белой ивнечи, гототнул летко, всей душою. — Люблю черемуху ломать. Бывало, сяду на велосипед, уманжу за деревню к пятую овражку, наломаю цветов и вернусь с ними в деревню. У нас с бабушкой жила с мая по осень очень интересная женщина. Я на крыльце черемуху разберу и ей букет дарю, она очень любила черемуху, а я люблю женщинам подарки делать, приятно...

Миноговор вспомнил: еще на материке в Зеленом, когда прилетел на базу экспедиции, он встретил Славку. Парень уже две недели жил на базе, каждый день ожидая отправки на остров в партию. Приходили вертолеты, их загрузали, забирали рабочих, но почему-то Славке все время не хватало места в машине, и его оставляли на базе. Вот и тогда они загрузили вертолет, и весельный, улыбающийся Славка сидел среди ящиков, банок, железиных походных печек и махал всем серенковой перчаткой, как вдруг пришел командир вертолета и сказал, что на борту лишний человек. И лишним, конечно, оказался Славка, и его в который уже раз сняли с рейса. Он стоял на площадке уже не улыбающийся и не радостный, а очень растерянный, с какой-то детской обидой на лице и твердил одно и то же слово: «Обидно». А потом они шли с Миноговором по дороге к базе, и Славка, вздохнув, достал из кармана трюпичу, развернул ее.

— Вот хотел Ганючке-радистке подарочек привезти. У нее завтра день рождения. Не вышло, обидно.

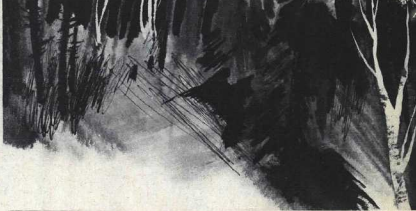
На ладони у парня лежала крохотная плиточка детского шоколада «Белочка»...

Славка слез с дерева, отряхнул букет. Крупные цветы держались крепко. — Кому бы принести, у свих у всех есть. Ага, отнесу на метеостанцию, Кашыковым. Славге-то нет времени в тайгу ходить, двойннши на руках, а Василь Васильевич, поди, и не догадался, что приятно в доме букет поставить.

На острове Славку уже переизнакомил со всеми жителями. Кому-то он помогал пилить дрова, кому-то — копать огород, к кому-то просто заходил на чай или на «подходящий дурак».

— Николай, хочешь, я тебе свисток наделаю? — вдруг спросил он, снова прижимаясь на колодину. — Знаешь свистки умно делать.

— А зачем мне свистки-то?

— Как зачем? Отпустишь дочке, пусть свистит. Такой игрушки в Москве ни за какие деньги не купишь.

— Она еще совсем маленькая, Слава. Не сможет свистеть.

— Подрастет, научится.

— Ну, тогда делай.

Слава решил сделать десять свистков — от крохотного, с иглоночку до аршинного. Сделал один — свистел, и тут же ему откликнулся птенец. Это знало парня, и он принялся переключаться с птавами. Сделает свисток, по свистит — птица откликается.

Многогоров вспомнил дом, Нина, крохотная Ирина, пускающая пузыри с розовых губок, и ему вдруг захотелось сбегать вниз, прийти к старшему геологу Василию Перегудову и сказать, что он, Многогоров, не в силах работать тут, что он пошел Перегудову, что тому, пожалуй, еще не поздно взять к себе в отряд другого техника, а Многогоров должен, обязательно должен улететь в Москву к жене, к дочке, к тому, что осталось там, далеко-далеко за морем.

— Не грусти, батя, — вдруг говорит Слава, положив на плечо Многогорову руку, — все будет хорошо.

«Смешной ты, Слава, а я и не грущу, я думаю, и тебе не понять этого, ты мальчишка еще, совсем мальчишка», — так хотелось сказать Алексею, но он не сказал этого, а только хлопнул Славу по плечу.

— Пойдем, может быть, сегодня наконец прилетит наш начальник и дивнем мы, Слава, по тайге.

— Скорей бы!

Начальник геологической партии Сергей Федорович Гроков вот уже десять суток не мог вылететь с базы экспедиции на остров. Его ждали со дня на день. Ждал каждый геолог и рабочий. Пора уходить «за поле», а остров завалило непролазными тучами. Слава сделал десяток свистков, «выполнил план». Связывая их все вместе тоненьким толчковым прутиком, сказал:

— Придет вертолёт, послышю пошлею, Николай.

К поселку пошли тайгою. Лиственки над головами сомкнулись зеленым прозрачным куполом. И все вокруг стало зеленым, трогательным, нежным. Тягуче и распевно кричала где-то в гауши кукушка. Стреляли синицы. Многогоров шел напролом через густые заросли стелющейся березы. Изогнутые, цепкие ветви ее были покрыты клейкими листочками. Ноги застревали в этой живой путанице, и идти было трудно. Слава немного трусил непознанной тишины тайги, жаясь к Алексею, забегал то справа, то слева, падал, запутываясь в бархатовом стланике.

— Никогда не думал, чтобы родимое дерево столько беды приносило русскому человеку! — ворчал он, смеясь поднимаясь с четверенки. — Ни дерево, ни кукушка, а змей какой-то.

Неожиданно тайга кончилась, и через крохотную марь, сплошь засыпанную прошлогодней иловой, вышли на песчаный ярок с десятком могил — к местному кладбищу.

— Во, и погост есть! — удивился Слава.

С ярка хорошо было видно море, поселок метеостанции, расположенные парти, толстые угодья Кеши Била скрыты густой порослью молодого сосняка. У подножия свалка громады по камням переката река Яшкина. Над самой обрывом в щелях и якорях дедала густо заросшая багульниковым высокомогил.

— Гляди, Николаич, какой-то мореплаватель тут захоронен, — указывая на могилу с восторгом, понуку-то шепотом сказал Слава.

А Многогоров вспомнил древний таежный полог на Авлахан-реке и усмехнулся про себя: по странной случайности все его долгие путешествия почему-то начинались с кладбища. Даже в Хабаровске, где он задержался на день, и туля пошел наудач по улице и вышел к павильону. Людские захоронения с самого детства не приносили в душу суеверного стража, какой-то несознанной жутки, он не боялся могил, даже ночью в мальчишестве на спор

ходил на кладбище. Может быть, потому, что дом дяди, в котором он провел детство, стоял на краю большого древнего погоста. И еще несомненным мальцом, рыая он с могилок рынке, всегда очень яркие диние цветы по весне и пахучую крупную землянику летом. Как ни странно, но на кладбищах он всегда слышал запах этой горячей, ярко-красной перестелой ягоды. Обо всем этом думал Многогоров, стоя над могилами крохотного погоста острова Большой Штар, заброшенного далеко от материка в нетленные воды Тихого океана. Кто знает, может быть, под этим более чем скромным павильоном, под этой порешей кураторком землей скрыты удивительные жизни и судьбы, о которых поведают миру сможет только он, Многогоров, заброшенный сюда тоже, может быть, удивительной с а в е в судьбой.

— Пойдем, Слава, кажется, кто-то пропозивается к нам через ямарь.

С моря едва различимо доносился рокот приближающегося самолета, и с этим рокотом на остров с какой-то совсем уж неоправданной поспешностью наваливались густые тучи и низкий поволочный туман. Лидо и огороленные руки еще не раскатыли горячего прикосновения солнца, а над островом уже клубилась осенняя зима. Но кто-то все-таки пробирался сюда сквозь непогоду, рискуя, может быть, только затем, чтобы принести островитянам изданную восточку с большой земли. И Многогоров тоже...

2.

К погудно дали небо. Карев шел к своей машине и слушал жаворонка. Крохотный, легкий комочек бултыхался в небо и пел, пел вразбег, не умолкая ни на минуту. И откуда в такой крошке берется столько сил?! — подумал и улыбнулся, потому что вспомнил: том, что с сыном бил на радиостанции. Мальчишка долго и внимательно слушал морякину. Вышли на улицу, сын подаял к небу лидо, сказал: «Папа, слышишь, азбука Морзе». Весенняя телеграмма! В небе первый жаворонок радостно сыпал точкой и тире.

На краю взлетного поля стояла девочка в розовом платьице. Он потренил ее по голове.

— Что ты тут делаешь, Людя!

— А вот! — Девочка разжала кулачки, и с ее ладонь, подвизаемая ветром, сорвались крохотные клочки бумаги. — Как мотыльки, — засмеялась девочка.

— Здорово похоже, — согласился Карев. И вдруг предположил: — Хочешь, я тебе голубя сделаю!

— Ой, ага!

— Вот прилечу и сделаю. Ладно?

— Ладно.

А потом, вырвали на взлетную полосу, он увидел розовое платьице девочки, белый листок бумаги в ее руке. Она махала ему, и, оторвавшись от земли, выскочил на курс, он подумал о том, что девочка сейчас очень похожа на розовый мотылек, и улыбнулся этой своей мысли.

Его «Антон» трудолюбиво и спокойно набирал высоту. Сопки впереди из лиловых становились синими, они быстро приближались, но еще Быстрый уходил вниз. Когда самолет выравнивается с ним, их вершины проплывали в трех-стах метрах под крылом самолета. Он знал небо так же, как шофер знает дорогу у своего гаража.

Набрав заданную высоту, огляделся и вздохнул шумно, полной грудью, будто путник, подвизавшись по трудной дороге на высоченную гору. Так он делал всегда с первого самостоятельного полета и не забывал этого. Земля лежала внизу, просторная и осветленная. Хорошо натренированные глаза ясно различали каждое дерево в тайге, густую ступню лиственницы в подножии сопки, на седловинах и вершинах строения, будто высуженные руками целовника, ельнички, светлые, отсюда совсем безобидные замыты бадраком — кедровых, непроходимых стлаников, причудливые, чуть розоватые ветви дельневосточных берез в верховьях рек, ключей и родников.

ло. Иван по тому времени на экспедиционном оставался. Кинулся за мальцом в пучину. Ну где там, разве уловим! Море студное было, мальца сразу утоп. Толщина разлом и мелькнул проливовский мельник. Тогда же, Ивана тоже доглядает уже не успели, время сумеречное было, темь быстро шла. Погудели, пошарили прожекторами, да и не закон э-т всем из-за одного стробытьвает в большую воду. Ушли.

А Иван, паря, на берег все-таки вышел. Попомало его, ознобило, но полти еще мог. На Северный мыс к мяку выполз. За два дня таким манером десять километров прошел. Подобрали его на лукоморье. Мальца не нашл. Ивана подняли. В бреду был. «Мальчонка живей!» — все спрашивал. Сказали ему — жив. Обо всем этом я на третий сутки узнал. Струнья у меня от ошгов кое-где носил, но собрался, пошел тропкою к мяку. Тура без малого сто километров. На ногу я вострый. Шел, считай, без передышку. Ваню совсем плохого застал. Какие уже сутки лежал без памяти. А непогодь жарит и жарит. Вертолету по санзандану никакой возможности пробиться нету. Я у Ивана спую, думаю: «Эх, Ваня, Ваня, сломать бы смерть твою, как ты море сломал». Верный, паря, иногда пусто ты в душе стоешь, так точно, что хлынет туда черною водою жаль да горе. Выбьду за порог да как дитя разрыдаюсь. Как-то пришел в себя Ваня и говорит: «Кеша, это ты всегда рядом со мной сидишь. Прости, Кеша, не уберег, грит, мальца-то, не уберег я его. Прости, Кеша. Ты грит, человек лесной, у тебя душа наружи, ты меня, грит, простишь...»

Кеша замолчал, вздохнул тяжело, и безбровое, опаленное жаром лицо его снова стало по-детски беспомощно и открыто. Он поскреб большой, будто чуть расплющенной ладонью бороду, нашарил трубку, молча набил ее и резнул.

Многогоров и Кеша сидели на приступках бани. Синий дым столбом стоял над крышей, уходя высоко в небо. Полный штиль властвовал в округе, и от горизонта до горизонта не было видно ни единого облачка. Партия сегодня наверняка ожидала прихода вертолета. По тому случаю топлил Кеша баньку.

— Подбрось, Николаич, дровишек-то, — попросил он.

И Многогоров поспешно встал, ушел в баню, прихватив от порога сухих, густо пахнувших смолою дров. Когда он вернулся, Кеша все так же сидел на приступках, и над трубой его чуть змеялся тонкий дымок прогорающей табакки. Многогоров свернул себе цигарку, принял из рук Кешы коробок спичек, закурил. Момали. Где-то далеко-далеко, за Песчаной косой, у моря, одиноко постукивал молоток. Кто-то конопатил лодку. Тяжело волола ноги, к приступкам подполз слепой пес Соболь и ткнулся в Кешины колени лаской мордой. Кеша поглядил его по сваявшейся, кое-где полысевшей шерсти.

— Тоже вот Ваня привез в подарок, сколь лет-то минуло, а все жив, собака. По закону давно б пора решить его, чтоб зря не мучился, а вот не трогаю, а он живет.

Соболь словно бы понял слова хозяина, медленно, с трудом ударил хвостом и со стервским вздохом отпустил на zemлю.

— Грит Иван: «Прости», — продолжил рассказ Кеша. — А я ему: «Эа что, Ваня? Эа мальца, грит, прости». «Да в меня ты себе выносатишь-то? Жив он, мальец-то». «Нет, Кеша, не жив, я знаю, меня, Иннокентий, не обманешь. Да и тебе не к чему клевету на душу брать». И затих. Я ему говорю: «Ваня, скоро запогодит, вертолет придет, полетим мы с тобой в Чуган, обиходят тебя в больницу» — на него вставился. Ваня молчит. А потом грит: «Не встану я, Кеша, не встану, помру скоро. Отходил Иван по морям, океанам. И снова замолчал.

— Я, слышь, паря, разное говорить ему стал. Чего — и не упомяно, только все такое с исподу души самое, что ни на есть хорошее, что детям говорят. Молчала Ваня, а потом: «Есть у мяки, Кеша, просьба одна: похорони меня, друг, подле своего жительства, на ярку, где крест стоит. Просторно там, далеко выдат. Похорони, исполни мое последнюю волю. Нет у меня на земле близкого человека, все повыхлял, повывтравила воля. С того и жидля я не по земле, а по морю, с ним и лежать хочу. На твоим, Иннокентий, остров. Прости, Кеша, могилка-то высокая будет и багуньином зарастет. Обещеешь? — грит, «Обещено». А у самого вот опять эта пустота в душе, аж холодно, а туда черная вода прет. Вышел я на волю, а тут — тук-тук-тук — Гена на своей керосине с доктором прилетел. Обищам гореч тут. Как бы зайти притумлило, навалоно. Я тут не чую ног, но осалил свитляк, беленькую барышню, с Геннадием-то на плечах донесли. Не поспели. Вышла Гриша-малычкя встречу нам. Иван-то помер. Осмотрела Ваня барышню, за-свидетельствовала факт смерти, документик выписала скоро так... А небо опять закрываться стало. Улетели, они без Ивана. Я в тайгу ушел, носек гремел, пружинистая ванжик. Носиком сваяла да на плечах с Гришей перенесли Ивана ко мне на ярк. Там и похорыл. Вот она, паря, и сказка вся...

Остров Большая Шатра

*Милая моя!
Сегодня опять не пришла вертолет. Встал очень рано, к приливу. Вы еще не ложились, а я уже был на море. Охотился на перлу вместе с Кешей Дубал-кычан. Я тебе о нем писал. Пришла в партию к 8.30. Наскоро позавтракала да ушла в маршрут. Шел по дикому лесу. Справа иссыл-тежное пикетское, слева — береговой прижим, поросший тавого. А между ними заледеный несом-чаемый пляж. Начался отлив. И на этом впадине юзном пляже громоздились белая, озабуе, зеленые льды.*

На береговой прижиме мы сделали расчистку и геологический разрез. Значит это красиво, а для нас — важная находка. И вот мы вырываются в каньончик и ступенями спускаемся вниз к геологическому цоколи. Работал, облизываясь с непрерывным потом. Через час-другой заломило спину. А потом перекусили наскоро и ушли в тайгу быть шурф. Сначала снимали пласт мяк, потом взры-далься в мерзлоту. Она тут податлива. В добрый путь. Прелея мерзлоту, отото-вои еще каждый миллиметр. И пошел торфяник. Кончался еще две с половиной метра, но до галечника так и не добрался. Кончался день. Завтра опять в маршрут. Скорее бы, скорее приходил вертолет. Может быть, будет мне твои письма. Очень устал. Прости за краткость.

Круглая цифра.
 Стомиллионную тонну нефти добыли в последний год пятилетия труженики Татарии.
 О том, как комсомольцы Татарии довели добычу этой нефти, рассказывает Гусейн Бабушкин, первый секретарь Альметьевского горкома ВЛКСМ.

Это случилось недавно, в ночь с 23 на 24 декабря. Дежурный оператор нефтеоборота пункта № 60 Марии Зотова встревоженным голосом сообщила диспетчер третьей районной инженерно-технической службы (РИТС) управления «Альметьевнефть» о резком снижении поступления нефти на сборный пункт. В чем дело? Что случилось? Сигнал тревоги был немедленно передан в Альметьевск. Из домашнего автомобиля, на теплых носочках, на усталости, которая вылилась в тело свинцом — в рабочую робу, в машины, в морозную ночь. Прошли какие-то считанные минуты, когда люди, преврав свой ночной отдых, уже мчались на машинах в район сборного пункта.

Оказалось, что линия задвижки высоконапорной магистральной, и нефть, идущая на пятидесяти скважинах, сильным фонтаном вырвалась вверх, продвинувшись сквозь замерзшей нефти. Все силы и средства брошены на ликвидацию аварии. Потом нефть направил в запасной коллектор. Все ночь напряженно работали люди, а фонтан опасения министра, начальника смены Андрей Татынина, старший оператор Ахмет Шайморданов, мастер по добыче нефти Василий Никуленико и другие разскажили по своим производственным обязанностям, чтобы проложить вакту. Ушло шесть утру. И вакта есть вакта. Сотни тонн нефти были спасены от потерь. Но они были уже в прошлом. Обступили утренние заботы.

...Не таким напряженным, обычным было утро 30 декабря только что минувшего семидесятого года, которому теперь в трудовой летописи республики отведено самое яркое место. Это утро отличалось разве тем, что в семидесяти районных инженерно-диспетчерских службах приняты добычи нефти, газа и бурения оставались короткие летучие минуты, на которых звучали слова наступления теми, кто завоевал право добыть заветную 100-миллионную тонну черного золота Татарии. Рано утром они уезжали на вакту — нефтяники РИТС-3 управления «Альметьевнефть», РИТС-2 («Ичалковскийнефть»), РИТС-1 («Канатовскийнефть») и РИТС-2 («Сувейнефть»). И проходили бригады мастера Галимзяна Хаизева из Альметьевского управления буровых работ. Первая весточка поступила с Северо-Альметьевской нефтяной площадки.

Проверены все групповые установки и скважины! Нефть добыта на оптимальном режиме!

С каждым часом рос поток информации на диспетчерских пунктах всех нефтегазодобывающих управлений. И вот во второй половине дня последний ланоничный рапорт из отдела добычи объединения «Татнефть». Это миллион тонн есть. Но неполного праздника страна получила, кстати, еще триста пятьдесят тонн татарской нефти.

Всего лишь два десятилетия назад добывалось 867 тысяч тонн нефти. Это годовой рубеж пятидесятого. Сегодня это миллионы. И в этом немалая заслуга комсомолки.

В самом деле, на самых трудных участках производства работают 172 комсомольско-молодежных коллектива. Это только в одном управлении «Альметьевнефть». Операторы Акрам Халиуллин, Павел Киридин, Иван Рабатов и Владимир Ершов добывали в этом году добычу татарской нефти на каждом работающем, что в десятки раз превышает среднюю выработку промисловых страны. Еще более высокая выработка — по 150 тысяч тонн — достигнута на участке операторов Анатолия Алевая, Назира Шакировой и Валентина Белоголовой.

Весь семидесятый год для пятничного комсомольца был годом ударной вакты, немалую роль здесь сыграло соревнование в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Теперь это соревнование продолжается под лозунгом: «XXIV съезду КПСС — достойную встречу!» И чем реально, близко и величаво был эффект, тем больше эффект, тем больше эффект, тем больше эффект. «Каждый оператор дает одну тонну сверхплановой нефти за смену!» — девиз года небольшого комсомольско-молодежного коллектива участка № 2 РИТС-2 управления «Джалильнефть». Когда в апреле прошлого года подняли итоги этого движения, выяснилось, что коллектив выдал напор 800 тонн сверхплановой нефти. Итого нового этапа соревнования намечено подвести накануне съезда.

Комсомольско-молодежный коллектив по добыче нефти из другого управления — «Елховнефть», возглавляемый молодым коммунистом Миргалиевым, когда открытая скважина оказалась добыть 12 тысяч тонн нефти сверх плана, повысить производительность труда на три процента, ввести в эксплуатацию пятнадцать скважин опять же сверх задания; кроме того, подполчить к герметизированной системе сбора нефти сорос скважин, сэкономив 100 тысяч киловатт-часов электроэнергии и электроэнергии на механизированную добычу 30 скважин; инициативу бригады Тавинова подхватили комсомольско-молодежные коллективы других нефтеуправлений, строек, предприятий.

Если внимательно присмотреться к работе нефтяников, то можно заметить, что за последние годы достигнуты немалые успехи. И в этом месте он в основном под влиянием технического прогресса. И в этом вопросе молодежь тоже задает тон. При горючке комсомолом успешно работает штаб технического творчества, возглавляемый членом ЦК ВЛКСМ Назым Хисматуллиновым.

17 января 1971 года — инициативу XXIV съезда партии — нефтяники завершат добычу первого миллиарда тонн нефти. Пока еще ни один нефтяной район страны не достиг такой высокой экономической эффективности в использовании природных нефтяных ресурсов, как Татария. Доходжение 100 миллионов тонн нефти — объект добичи — это только один этап в борьбе за нефть, цель другого — обеспечить ежегодную добычу нефти в размере ста миллионов тонн в течение всей предстоящей пятилетки. И поэтому предстоящая пятилетка с самого первого ее года для нефтяников Татарии и в том числе для нас, молодых, уже стала и станет пятилеткой борьбы.

Год 1970-й завершил восьмую пятилетку. Сейчас, накануне XXIV съезда КПСС, который обсудит перспективы будущей, девятой, страна подводит итоги минувшего. О темпах нашего развития, пожалуй, ярче всего говорят слова «миллионный», «миллиардный», которые часто упоминались в рапортах предприятий. Миллионный трактор выпустили в восьмой пятилетке харьковчане, за ними Волгоград-

КОМСОМОЛЬСКИЕ ТРАКТОРА

Вряд ли найдешь сегодня хозяйство, где бы не знали трактор «Беларусь». Ныне каждый третий трактор в стране — белорусский. Кроме своей основной работы пахать лежат и сеют, они спускаются убирать картофель, складывают сено в конны, сажать фруктовые сады, обрабатывают луговые поля и вывозят еще многие другие сельские работы.

Потому популярность белорусского универсала растет и растет. Недавно на шагину на латвийском континенте планеты: Австралия стала 55-й страной, которая импортует белорусские трактора.

В июле этого года в Москве в нескольких минских тракторозаводах выкатили плакат: «100 1970-й аграрек союзку преуспешку 80 тысяч тракторов». Это значит: перспекте просияет импортные заводы.

Только в 100-ю годовщину юбилея колыбели страны получили более 300 сверхплановых тракторов, а за пятилетку их, сверхплановые, было 1 114.

И еще одна новость минувшей пятилетки: Государственная комиссия подписала протокол о присвоении трактору «Беларусь» первому в стране, Знака качества.

Как пришел этот успех к минским тракторостроителям! Этот вопрос мы задали секретарю комитета комсомола завода Александрку Зайкину, а он нам ответил так:

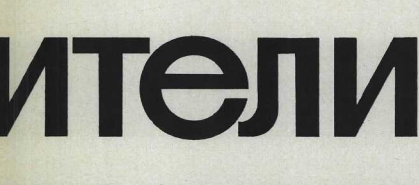
«Вот, что сделано на нашем заводе за пятилетку, потребовало большого напряжения трудовых и творческих сил. В каждом участке было много внутренних резервов производства. Особенно позавидательный был год Ленинского юбилея. Комсомольцы трудозащиты создали Ленинский фонд экономики. Началась упорная борьба за хозяйское использование сырья, материалов, инструмента, электроэнергии. Конкуре под девизом «Пятилетка — мастерство и поиск молодежи» оживил работу молодых рационализаторов и изобретателей. В результате в фонд экономики комсомольцами завода внесли 1 миллион 200 тысяч рублей. В день Ленинского субюбилея с главного конвейера сошли 500 комсомольских тракторов, каждый гордо нес табличку «Комсомольцы МТЗ — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина за счет сэкономленных средств».

А в сентябре более 500 молодых тракторостроителей встречали новый год — к юбилею комсомола Белоруссии они завершили пятилетку. Среди них было много наших комсомольских активистов: группосорго токарь Константин Вуйнович, сверлодница Мария Кучук, стартерщица Валентина Степальна и многие другие.

Все наши конкурсы на лучшее молодого рабочего, конкурсы на лучший коллектив рационализаторов, на лучший отряд комсомольского проектиратора — булдин инициативу молодежи. Все убеждало нас, что ключ

цы. В середине пятилетки металлурги перешагнули 100-миллионный рубеж годовой выплавки стали.

Среди тех, кто трудом своим умножил успехи страны,—нефтяники Татарии, тракторостроители Минска, ученые Москвы. О достижениях последнего года пятилетки, о весомой доле в них комсомольцев рассказывает сегодня «Смена» в своих интервью.

И резервы можно отыскать только коллективно, только при условии, что каждый полагает себя в статусе заведомо экономисту, станет козылем производства. И еще мы поняли, что настоящий козынь сегодня не может полагаться только на силу мускулов. Ему нужны технические и экономические знания. Так родилось на заводе движение за экономическое обучение.

Известно, что оно началось в момент обсуждения обязательств по достоянию съезда XXIV съезда партии. Расскажите, пожалуйста, о нем поподробнее.

— Наши штабы ТТМ и экономисты завода провели интересное исследование. Веса молодых рабочих разделили на две группы. В первую вошли ребята, которые изучают экономику в кружках и на курсах. Во вторую — те, что, как говорится, сами не скрывали равнодушия к ней. И выяснилось: в первой группе две трети всех работающих сдают продукцию с первого предъявления, почти половина из них — новобранцы. Во второй эти же показатели в два-три раза ниже. Это еще раз убеждает в необходимости провести каждого рабочего и инженера через систему экономической учебы. Сейчас вопросы конкретной экономики производства изучаются в базовой школе рабочей молодежи, школе мастеров, народном университете, комсомольской политике. На конкретных примерах разбираются понятия себестоимости, рентабельности, прибыли предприятия. Более вовлечено в экономическую учебу 7 420 молодых рабочих. Завершая школу учебы будет прием технико-экономического экзамена. Каждый участник всесторонне рассказывает, как он борется за экономию и бережливость, каков его вклад в комсомольский фонд экономики, который мы создаем к XXIV съезду партии. Уже сегодня каждый знает, что ему предстоит отчитаться на очном серьезный отчет экзаменатору: «Твое конкретное предложение по повышению эффективности производства на рабочем месте? Итого первого этапа экономического всесторонне подводит обобщающая научно-практическая конференция молодежи.

А теперь несколько слов о той работе, которая позволила коллективу минских тракторостроителей первыми в стране завоевать Знак качества.

— Если я скажу, что только за пять лет на заводе проведено около восьми тысяч организационных и технических мероприятий по качеству, да еще внедрено 400 конструкторско-технических новшеств по совершенствованию трактора «Беларусь», уже можно будет представить тот огромный объем работы, в которой само активное участие принимала заводская молодежь. Сейчас на заводе действует девять систем нововведений и шесть моделей. Через них внедряется новый метод оценки качества. Это повлекло ответственность каждого рабочего за качество исполнения своей операции. Гарантия завода на трактор «Беларусь» увеличилась до двух лет.

А коммуну за коммуну мы продолжаем в новой пятилетке, ведь завод планирует переход на выпуск нового трактора МТЗ-80/82. Уже через два года с конвейера сойдет первая тысяча новых машин.

— Чем комсомольская организация завода встречает XXIV съезд КПСС?

— Девиз комсомольцев страны «Каждый день до съезда, каждый день работы сюда — день ударной работы и отличной учебы» принят каждым молодым рабочим. 23 декабря тракторостроители собрали первую машину в счет нового пятилетия.

— Комсомольцы продолжают наращивать фонд экономики. Мы рассчитываем вывести в честь съезда комсомольскую колонию тракторов из 200 машин. Будет доля комсомольского труда и в 50 сверхплановых тракторах, которые высь комсомольцы завода сданы к съезду партии.

В эти предпоследние дни каждый комсомолец работает по личным обязательствам. На Минском тракторном напряжены трудовые будни новой пятилетки.

Александр Резников должен пять лет, кандидат в члены КПСС, секретарь комитета ВЛКСМ института.

До в полновозрастной до ползают на законных срочную службу в армии, имея за плечами железнодорожные билеты.

Сейчас он работает в отделе проблемных разработок Всесоюзного научно-исследовательского института авиационного реактивного.

Резников — один из участников съезда в отделе проблемных разработок авиона с реактивной тягой.

20 октября 1970 года авиона «ВНИИ — СКОРОСТЬ» острожно выехал из пути Калининского железнодорожного узла.

Инженеры — среди них был, конечно, и Резников — сделали три рейса.

Они не стремились тогда «выжить» из авиона реактивные 200 килограммов в час. На первом раз все было проще и скромнее: проверка авиационных двигателей, приборов управления, запись шума и вибрации.

Путь к заветному рубежу скорости долг...

... все эта огромная работа над созданием авиона — ради того, чтобы доказать скептикам, что железные дороги, как таковые, проигрывают еще не один десяток лет?

— А почему бы и нет? Ведь у поездов множество преимуществ перед теми же самолетами и автомобилями; например, поезда почти не мешают друг другу. Наши тракторы дешовые и надежные, в нем больше комфорта. Конечно, мы уступим авиации, когда речь идет о дальних маршрутах — здесь, бесспорно, выигрывает самолет: он экономит время. На малых же участках поезд вне конкуренции.

— Кто из вас первым сказал: давайте-ка мы сделаем вагон с реактивной тягой?

— Кандидат технических наук Александр Николаевич Шапо. Он сказал это две с половиной года назад. Мы справились бы с заданием быстро, просто нам помешал один неудачный эксперимент наших коллег из Министерства путей сообщения.

— Что же так произошло?

— Они пустили новый мощный локомотив «Аврора». На участке Москва — Ленинград «Аврора» развилась до 200 километров в час; в этот момент со всех ее сторон начинали возмущаться пассажиры, который шел навстречу, возмущенный погон высь стекла. Никто не пострадал, но случай этот сам по себе нам здорово помешал: скептики, которых у нас и без того хватало, сразу же получили довольно веский аргумент в свою пользу. Они говорили: как вы можете ехать так быстро, по которым будут ходить наши реактивные поезда, ведь испытанные участки таким поездам не подходят — на них нельзя ездить столь быстро. Ну, а где еще вы найдете такую же прямую трассу, как Москва — Ленинград? Уж если «Аврора» развивала скорость на встречном составе, — представляем, что выдает этот ваш шпалерный состав.

— Это звучит весьма убедительно...

— Нисколько. Прежде всего мы и не собираемся переводить весь подвижной состав на реактивную тягу. Мы лишь стремимся разумно заменить его в тех местах, где тракторы неэффективны, где их пока нет. Представьте себе и такую картину. Идет тампильный товарный состав. Впереди подем. Машинист должен смотреть в оба, чтобы просто выдержать необходимый скоростной режим, иначе состав строго встретит. Нам проект зачастую исключает этот риск. Перед локомотивом машинист включает реактивные двигатели, и состав, как легкое перышко, поднимается в гору.

Важно, что для авиационного двигателя не потребовалось лишних расходов. Мы взяли стандартный авиационный двигатель, но ставим на него и жаропрочного экрани, который должен был отстоять поток горячих выходящих газов. Кстати, выясняющаяся осянание, что работающие авиационные двигатели будут плавить контактные линии, и через два месяца будет идти ремонтный поезд, который только и будет мешать на столбы новые провода. Опасения эти не подтвердились.

— Известно, что вы выбрали в помощники инженеров из конструкторского бюро А. С. Исаева. Почему?

— Нам самолете «ИК-40» стоить самые малые реактивные двигатели. Нам нужны были именно такие.

— А сам Александр Сергеевич Исаев участвовал в вашем деле?

— Именно он предложил нам «реактивный» вариант подпольного реактивного локомотива. Но по расчетам и опытам вышло, что в таком положении они будут лучше работать.

— Мы надеемся поехать куда-нибудь в кабине вашего авиона... Но пока нет такой возможности, опишите ее, пожалуйста.

— Высокоскоростной обзор. Для сцепления с привалочными ремнями — для маневренности и его помощника. Ручки управления тормозами, пульт, на котором стоят приборы управления двигателями, — его конструкция мы поновимости прямо на кабине самолета «ИК-40». На этом пульте стоят сенсоры газа, хлопки тушения пожара, прочие турбодвигатели. Чувствительные тормоза. Машинист-авиамеханик запускает двигатель, а затем освобождает колеса. Вагон трогается с места очень мягко и плавно, меньше чем за минуту он может разогнаться до 50 километров в час.

— Не имеют ли поезда на реактивной тяге существенных изменений в дела стационных служб: диспеттеров, стрелочников, ремонтников? — Все остается по-прежнему.

— Вы сделали вагон «ВНИИ — СКОРОСТЬ». Что будет дальше? — Мы сделали вагон в последнем году пятилетки. Это будет мы по сравнению предпоследнему съезду партии. В новой пятилетке у нас главная цель — увидеть вагон на линиях.

ОПНИ УСТЬ-ИЛ

Вячеслав ШУГАЕВ,
Альберт ЛЕКМУС (фото)

Невонском аэропорту, почти у самого трапа, я встретил старинного приятеля Вадима Кривошеина. Настроение, испорченное неуютной погодой и двухдневным ожиданием в Братске, поднялось, как на дрожжах.

Вадим сказал: — Два года не был! Смотри, однажды приващ — ничего не узнаешь. Чаше, чаще надо. — Он взял под руку женщину в серой шубке, легонько притянул к себе. — Вот, Неля, Богатой Будущ. Не узнают тебя. Я смутился и понес громкий, извняющийся вздор:

— Ой, Нель, здравствуй! Прости, это после самолета голова кругом...

Неля слабо улыбнулась, улыбка не переменила сосредоточенно-усталого выражения ее бледного лица. Оно чуть порозовело, когда Вадим снова заговорил:

— Устьилища идем. Вот к матери провозмаю, в Горький.

Позже, отправив Нелю, мы ждали автобус у Невонского сельмага. Я вспомнил июль 1963-го, когда недалеко от основной чащи поставили первый барак, служивший столовой и клубом, когда возникла палаточный поселок Постоянный, когда молодой, неистово влюбленный плотник Вадим Кривошеин назначал свидания девушке Неле на мосту, под полной июльской луной, при всплесках вольной ангарской волны.

Тогда пробивалась дорога Братск — Усть-Илим. Глухарей стреляли прямо с крыльца будок, в которых спали и ели. Толстый мыс

**ВО ГЛУБИНЕ СИБИРИ,
НА УСТЬ-ИЛИМЕ,
РАЗВЕРНУЛАСЬ
ГРАНДИОЗНАЯ
СТРОЙКА,
НОСЯЩАЯ ВЫСОКОЕ
И АВТОРИТЕТНОЕ
ЗВАНИЕ
ВСЕСОЮЗНОЙ
УДАРНОЙ
КОМСОМОЛЬСКОЙ.
ТЫСЯЧИ ЮНОШЕЙ
И ДЕВУШЕК,
БЕРЕЖНО ХРАНЯ
И РАЗВИВАЯ
КОМСОМОЛЬСКИЕ
ТРАДИЦИИ, В ЭТИ
ДНИ УДАРНО
ТРУДЯТСЯ В ЧЕСТЬ
XXIV СЪЕЗДА КПСС.**

ИМА

Усть-Илим, еще один стальной пояс Ангары.

На стометровой высоте строители бригады Василия Петунина готовят настел большой бетоновозной эстакады.

Дно Ангары за перемычкой.

Ирина Логинова недавно закончила школу в Иркутске. Сегодня ее первый рабочий день на Усть-Илиме.

щетинился первобытным сосискам, и по его крутому склону еще можно было спуститься к Ангаре. В тот июль я так и сделал и долго сидел на прибрежном валуе, смотрел на зеленую пенную реку и никак не мог представить, что здесь встанет плотина. Но Толстый мыс уже осеяно знамя, поднятое знаменитым братским бригадиром Иннокентием Переточинным, и, подумав, сколько труда, упорства, славы олицетворяет это знамя, я понял, что Ангара отступит и здесь.

Четыре года спустя я ходил по бугристой, каменной равнине с проблесками луж — по дну Ангары. Вокруг желтели редуты перемычек лавобережного котлована. И я думал: «Запомни, заломни: здесь раньше те-

чение с ног шибало, крутило, вертело, а ты вот с валуна на валуны прыгаешь!» Чтобы усмирить волнение, я попросил у Володи Кучумова, бригада которого чистила дно котлована, перфоратор:

— Дай попробую.
Перфоратор тяжело, солидно подпрыгивал в ладонях, сообщая мышцам этний нетерпеливо-радостный зуд — видно, с привычкой. Каменная скажина сопротивлялась, прихватывала забурник, и он замирал. Тогда я обинял двухлудовое, вздрагивающее тело перфоратора, держал его секунду-другую в объятиях — порядок, он снова долбил, неутомимый металлический дятел.
Начне в Усть-Ильме я искал ямцу Профсоюзную, остановил доб-

Молодых сабжистов тренирует артистурщик Сабрежда Шимордаков.

Школа рабочей молодежи — неогременная часть стройки.

Усть-Ильмский эстрадный оркестр строителей.

Воскресенье на Ильме.

рый десяток прохожих, никто не знал. И даже в райсовете не сразу вспомнили, где така.

— Понимаете, у нас же строительная нумерация была, по кварталам. А по улицам еще не привыкли. Ага, вот она где!

Но и снебенный этим объяснением, я не сразу нашел ев. Плутил и плутал между Трудовой, Рабочей, Строительной, а пока плутал, вышел на улицу имени Сергея Генералова.

Я знал его, сидел с ним у одного костра, слышал, как он говорил с детской восторженностью:
— Все-таки здорово, что мы сюда приехали! Я бы век себе не простил, если бы не приехал. Понастрои-им! Понимаете! Здорово! — Он ментально журился, кривил, круглил, с чистым румянцем на щеках. Он любил петь и пел хорошо, сильным тенором заворачивая сидевших у костра девушек. Он был юн, влюбчив и не знал еще, что жить ему осталось немного. Серега Генералов погиб при нечаянном взрыве. Появилась улица его имени.

Когда видел первые костры, первые палатки, когда останавливался на каждой ступени стройки и вот поблизеньку поднахл, вошел в новый город — так соблазнительно отмечать жидким, увлеченным от волнения взглядом: да, да, здесь была роща, по ней рыбки бегали, а теперь в спорождении берез спускаются к Ангаре новые крупнопанельные дома, спускаются — в отличие от своих унылых, однообразных собратов в иных городах — в живописном порядке, как бы тая, растворяясь в прибрежном просторе и в белом свете берез.

Вдруг отчетливо восстановилась в памяти одно событие на Толстом мысу. Как я мог забыть!

Поздний апрельский вечер 1967-го года. Влажная, тяжелая темь сливается с черной весенней землей. Глухо клочут невидимые ручьи. Далеко внизу желтеют огни насосной станции, еле слышно ползгают экскаваторы на перекопаных. А со стороны города приближаются, плывут в темноте огненные флажки — людей, несущих факелы, пока не видно, и пламенные паруса колеб-

Люди Начинная — новый комсорг управления карьерного хозяйства.

лотся, напрягаются, разгоняя ночь. Предстоит торжественная церемония: на Толстом мысу при свете факелов усталимцы назовут имена почетных комсомольцев стройки.

Знаю, среди них будет и Борис Тамм, старый товарищ, с которым я познакомился в железнгорских карьерах. Он и позвал меня на это торжество.

Только на Толстом мысу, лишь вершинный ветер в соснах и треск горящего смоля в руках факельщиков. Смотрю на Бориса: черная грива волос, черные широченные брови.

— Комсомольский билет вручается коммунисту Борису Тамму. На вечное хранение.

«То есть до конца твоих дней, Боря,— думаю я.— То есть на всю жизнь. На вечное, на вечно... Удивительные слова. И вообще эти факелы, эта ночь...»

Вот выгу котлован — наша работа, наша судьба. Бегут и бегут дни — сохнет пота надо пролить, сколько мозолей набить, сколько людям добра сделать, прежде чем тебя позовут на Толстый мыс или на иную вершину и вручат на вечное хранение твою же собственную юность, чтобы ты берег ее, сверился бы с нею до конца дней своих.

А познакомился мы так. Давней осенью в одном из железнгорских домов я увидел прикрепленную к двери квартиры записку: «Ребята Или ты придешь Ключ в почтовом ящике, чай, сахар, масло в тубочке. Пейте чай, будьте, как дома. Д. И.а» Я немедленно достал ключ, вошел в квартиру, вскипятил чай и стал ждать хозяина.

Пришла женщина.

— Давайте знакомиться. Людья Ивановна Тамм. Чаю, надеюсь, попили?

Я поблагодарил и не преминул тогда же выразить удивление по поводу рискованной, на мой взгляд, практики открытых дверей: народ на стройке разный.

— Два раза уносили кое-что. Но я не придаю значения. Большинство же — замечательные ребята. А некоторые придут и деваться не знают куда. Пусть у меня немного пожеуют, а там, глядишь, и устроится жизнь.

Людья Ивановна и познакомилась меня со своим сыном Борисом, застенчивым молчуном. Они приехали в Железнгорск вместе, только мать по партийной путевке, а сын — по комсомольской. Сын поселился в палатку, мать — в деревянном бараке, где было все же потеплее.

Людья Ивановна, старая коммунистка, занимает видное место в ис-

тории иркутского комсомола. Борис всегда наказывает мне:

— Маму обязательно поведать. По-моему, устает она здорово.

Людья Ивановна теперь экономист на кирпичном заводе, много времени отнимает общественная работа в областной газете, где она ведет прием жалоб.

Собираясь на Усть-Илим, я всегда звоню ей.

— Передавай Борьке: пусть не хнычет. Посмотри, как живет. Если газету бросил, ушй ему надеру. Так и скажи.

Борис который год редактирует радиогазету «Лосята»: дома у него казенная аппаратура и студия звукозаписи. Каждый выпуск радиогазеты ждут с нетерпением, ее любят и боятся. Однажды я слышал, как пришедший к Борису на дом местный хунгани просил не «передавать про него по радио» и обещал незамедлительно, сразу за порогом, начать новую жизнь.

Людья Ивановна специально приезжала в Усть-Илим, помогла собрать материал для первых номеров.

— Не представляю, кем бы я был без мамы,— признавался Борис.— Она для меня все: друг, товарищ, учителя, живой учебник по истории партии.

Поэтому, я пришел к Борису в карьере, а ночью снаму, забрался в кабину экскаватора: на улице гулял противный ледяной ветерок, стены карьера тоже отдавали погребным холодом, а в теплой, прокуренной кабине было уютно и тепло и неслышным, негромким разговором, тем более, что машины шли редко.

Борис тогда говорил:

— Знаешь, у меня такое чувство, будто меня всюду не хватает. Братск не успел строить — ладно, смирился. Железнгорск все-таки рядом. Но вот Дингорск пропустил. Тайшет — Абакан пропустил — и как-то не по себе. Я понимаю, конечно, везде не успеть. А жалко, очень жалко. Прямо-таки грущу по другим стройкам, а и отсюда не уедушь — тоже принимаю. Как быть, а?.. Может, хватит того, что Железнгорска до меня не было, Усть-Илима не было!

— Может, и хватит,— ответил я.

— В этом октябре я пришел к Борису, но сразу поздороваться не удалось: он записывал радиогазету, готовил специальный выпуск ко дня рождения комсомола. Я стоял за дверью и слушал. Мягкий девичий голос говорил:

— Почему я в комсомолет! Сразу не отвечаю. Наверное, потому, что я знаю: в комсомоле молодость не пройдет бесследно. Я не сама по се-

бе зависимость каким-то делом, а нужным обществу, государству. Вообще очень важно, чтобы и в молодые годы приносить как можно больше пользы... Хотя я и люблю танцевать. Самое важное поручение, которое я получала в комсомоле! Это когда я в Днепрогорске работала и была членом комсомольско-оперативного отряда. Мы следили за культурой поведения в поселке, в кафе, в клубе. Провинившихся отводили в штаб, отчитывали и сообщали в Бригаду. Это было очень серьезно: ведь из-за одного хулигана страдала вся бригада, лишалась времени, очередь за квартиру отодвигалась. То есть очень действительно наш отряд работал.

Девичий голос сменил мужской: — Самое яркое впечатление в Усть-Имье! Посредственность. Я же горожанин, москвич, никогда в такое не работал. Можете, для других тут обыкновенные будни, работа — и все, а я глаза пошире раскрываю, как кино цветное смотрю, и за все хочу ухватиться, все бы камин в котельное переворачивал. Самое важное событие в моей усть-имской жизни! Третьего октября меня приняли в партию. Я мечтал об этом дне. Чем больше груз ответственности на плечах, чем больше с меня спросу, тем мне интереснее жить. Теперь я партинец и буду оправдывать это звание каждый день, каждый час.

Несколько позже знакомлюсь с обладателями этих молодых голосов. Марина Дегода — крановщица, на «пятирке» работает — такой номер у ее портального крана. Родилась на Вологодчине, в бесплодновском поселке, там мать, отец, сестры и брат. Ей очень нравится быть крановщицей. Почему? Не знает, никогда не думала. Вот нравится же пчеловоду быть пчеловодом, а токарю — токарем. Плачет она очень редко. Правда, один раз так разревелась, что на край залез стропаль, никогда в жизни не видошший слез крановщицы. А почему плакала! Да-а, лотки разбивались и разбивались, ну, лотки, а которые кабели монтируются. А разбивались, потому что пол неровный. Стropаль испугался, слез и сразу очинился, выровнял место под лотки. Они бились перестави, и слез не стало. Конечно, училась! Еще был На четвертом курсе энергетического техникума, но с крана все равно не уйдет. Мечтает получить шестой разряд — это когда с закрытыми глазами в электрической части, в механической разбираешься.

Константин Вышневым — тонкое, задумчивое лицо, серые глаза. Бывший детдомовец, служил в ракетных войсках, работал на автомобильном заводе имени Лихачева, там и в комсомол принимался. Юность, труднестанно все было. В заводском дворе нас выстроили, старые коммунисты нас поздравляли. Здорово!

Решил, пока молод, свет посмотреть. Сейчас в бригаде Николая Карачева и плотник и бетонщик, одним словом, комплексщик. Правда, слово смешное! Учится в политехническом. На энергетике. Есть и сожаление, хвост по черному. Давно бы исправил, да заниматься пока негде. Конечно, надо специальную комнату или зал для заочников отстроить. Да, есть общественная нагрузка. Член комитета комсомола в первом строительном-монтажном управлении основных сооружений, а короче — в СМУОС-1. Да, и жить очень интересно и думать о жизни.

Когда Марина Дегода и Костя Вышневым ушли, я спросил Бориса: — Как думаете, позорит их когда-нибудь на Толстый мыс?

— Сам видел, сколько работы в котельной, сам слышал, что ребята любят работу. Обязательно позорит.

— И вручат на вечное хранение?

— Вручат.

1.

19 февраля 1973 года человечество торжественно отметит 500-летие со дня рождения великого польского астронома, выдающегося деятеля эпохи Возрождения Николая Коперника.

Уже несколько лет назад в Польше началась подготовка к этому юбилею. В частности, польские харизмы и члены Союза социалистической молодежи проводят акцию под названием «Операция Фромборк», цель которой — помочь реставрации прибалтийского городка Фромборк, где в течение тридцати лет работал Коперник (в одной из крепостных башен он устроил свою знаменитую обсерваторию).

Одним из результатов «Операции Фромборк» является восстановление старейшего в Польше музыкального органа, сошедшего гданьским мастером Дангелем Нитровским в 1683 году и почти полностью разрушенного в годы второй мировой войны.

Сейчас орган играет вновь, причем размеры его увеличены: в инструменте 59 регистров, 4256 труб и 5 вспомогательных регистров.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. «ОПЕРАЦИЯ ФРОМБОРК»
2. ЖИЗНЬ ПОДО ЛЬДОМ
3. ЧТО ТАКОЕ «SOS!»
4. КАФЕДРА ЮРИСТИЧЕСКИХ НАУК
5. ЕЩЕ ОДНА ОДИССЕЯ
6. «МОТТО ЮКУРИ!»
7. УТЕЧКА ШЕДЕВРОВ
8. ЗАПРОГРАММИРОВАННАЯ КУХНЯ
9. МУЗИК ПАНТОМИМ
10. ВСЛЕД ЗА НОВЫМ ГОДОМ
11. ОДЕЖДА XXI ВЕКА
12. БЫСТРИ, ПРИ ПОЖАРЕ
13. «ОБНАЖЕННОЕ ОБЩЕСТВО»

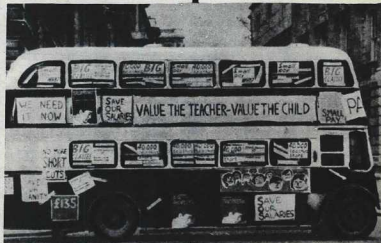
Материалы подготовлены с использованием фото- и видеосъемки.

не хватает 40 тысяч преподавателей, где зарплата в пять раз ниже, чем в школах, где школьные классы переполнены, этот призы и отправил сигнал бедствия.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

Дилеммой из зарегистрированных до сих пор путешественников на плоту. Оно превращает знаменитое плавание Тура Хейердала в «Конт-Тинки» более чем на пять тысяч километров.

«ВОЗМНЯ», КУБА

2.

Есть ли жизнь подо льдами Антарктиды? Ответ, казалось бы, не вызывает сомнений: безусловно, нет! Однако на деле это не так.

Работая научными разными старая несколько лет назад, показав, что под антарктическими льдами — даже на глубине около десяти метров и при температуре 1,9 градуса выше нуля — существуют водные организмы. Российский исследователь Доналд Волшиак рассказывает:

«Мы устроили скважину на пятиметровой глубине во льду здесь, то есть быстро закончили скважину и ее обитателей можно изучать так же свободно, как в лабораториях. Установлено, что подо льдами Антарктиды проживает пять или шесть видов рыб. Уже достаточно изучены, а кроме того, можно утверждать о наличии еще десятка разновидностей рыб, которых нам пока не удалось выловить, но которые мы находим в мелководных трюмах».

Выделяется семейство «ледяных рыб», организм которых абсолютно лишен красных кровяных телец. Эта особенность, уникальная для позвоночных. Проводя этих рыб в биолюминесцентном или светящемся цвете, жабыры — матово-белые, сами же рыбы — прозрачные, особенно у хвоста. Они не питаются и питаются лишь в течение очень короткого времени, немалого по размерам (вырастают, некоторые достигают и 60 сантиметров в длину, а одна из выловленных нами рыб была длиной в 130 сантиметров).

Чем же питаются подводного царства — рыбы и тюлени — антарктики? Оказалось, что и подо льдами находится довольно масса планктона...

«ОСТРАЛИН ИНТЕРНЭТ ХИСТРИ», АВСТРАЛИЯ

3.

Расшифровка этого сигнала бедствия: «Спасите наши души!»

Преподаватели английских школ и колледжей, которые заклеили своими кричащими плакатами двухэтажный лондонский автобус снизу доверху, предадут вечности сигнал «SOS» жана «Save Our Salaries!» («Спасите наши зарплаты!»). В Англии, где, даже по официальным данным,

4.

В Манильском университете (Филиппины) впервые обсуждается вопрос создания «нефтеры» школ. Проект устава, а также программы защиты диплома и присуждения ученых степеней (вплоть до профессор) поручено разработать известному филиппинскому композитору, автору и философу Леван Селвану. В учебную программу предполагается включить такие курсы: «Анекдот», «Киноауд», «Карикатура» и пр.

Ректор университета следующим образом объяснил свое решение: «Современный мир полон проблемами, подчеркивающих испытанное чувство юмора едва ли не каждому человеку, так что назрела необходимость серьезного изучения всех средств юмора и сатиры».

«УНЗЕРЕ ЦАПТ», ФРГ

5.

Закончился еще одно удивительное плавание, целью которого было доказать, что теория американских индейцев и жителей Азии имела одну природу.

Четыре путешественника — испанец, француз, чилец и канадец — за 161 день преодолели на плоту «Ла Балса» около 13 тысяч километров по Тихому океану, от Гуакилия (Эквадор) до Мулулабо (Австралия). Все это время они питались лишь рыбой и пилистую воду. Вместе с ними плавание на крошечном плоту из стволов бальсового дерева совершила копка (еще одна копка и попутная гибель во время бурь).

«Мы много раз падали за борт», рассказывает один из борцовых мореплавателей. — Было, что мы уже не надеялись на успешный исход нашего предприятия, но в конце концов мы доказали, что такой примитивный плот, как наш, может проплыть подобно путешеству и много всего назад».

Одиссея «Ла Балса» — самое

6.

Едва ли не самой первой формой, которую приходится изучать иностранцам в Японии, является «Мото юкуру!» («Пожелуйте, пожелайте!»). С этими словами необходимо обращаться к местным водителям такси, которые связались своим авиационным.

Обычно в туристские фирмы города Киото, входящие в США на сколько тысяч давних тысяч туристов, решив забить свой путь зайцев: во-первых, в этой машине помещается двенадцать человек, а во-вторых, при почти семизаметровой длине автомобиля шофер никак не сможет превысить скорость на улицах и крытых улочках старой части города.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

7.

6 миллионов 160 тысяч долларов — такова сумма, за которую на японском аукционе «Сугуби» была продана картина великого испанского художника XVII века Диего Веласкеса. Она изображает мавра, слугу художника, и была создана в 1649 году. Портр-

рет кулен нью-йоркской галереи «Уайлдстоун», директор которой Диниз Уайлдстоун владеет еще одной галереей во Франции, а также... конюшней со скаковыми поездами.

Но дело не в этом, традиционным для Америки богаче-снобы. Английская общность взыскала новизну тем, что удар молотка на аукционе «Саутби» еще раз возвестил ей о постоянной утилке произведений искусства за океан. Славные коллекционеры, коллекционеры, семьи, веками собиравшие шедевры искусства в своих поместьях, ницую, а у музея Англии не хватает средств, чтобы выставить эти ценности. И вот граф Реднер, чей род владеет картиной Веласкеса с 1811 года, расстается с ней.

«ЭКСПРЕСС», ФРАНЦИЯ

8.

Вряд ли найдется хозяйка, которая не позавидует жене Матяша Борзика, мастера на заводе «Электромаск» в городе Папа. У нее на кухне кофейная мельница управляется по радио, электроника включает и выключает жаровню, кухонный робот выполняет пятнадцать различных операций; солнечные луч, воздействуя на специальное устройство, раздвигают на окнах шторы, которые автоматически задираются при плохой погоде...

Мастер Борзика известен у себя на предприятии как рационализатор. А дом его — вторая лаборатория. «Гриво, не знаю, как это мы раньше проводили праздники... Все время надо было вспоминать: то что-нибудь подогреть, то что-нибудь переварить... Теперь у нас только одна работа — получить готовые блюда», — говорит Матяш Борзика. Его овердней план — создать кухонный компьютер, работающий при помощи перфокарты.

«ИФЮШАГИ-МАГАЗИН», ВЕНГРИЯ

9.

Чехословацкая пантомима (в частности знаменитый пражский театр «Атерна магика») известна во всем мире. А недавно в городе Колин-лабе, в 60 километрах от столицы ЧССР, открылся первый в мире музей пантомимы.

Почему именно в Колине? В конце XVIII века здесь родился известный чешский актер-комик и мим Ян Каппер Деборо (его родным именем балет француз Фаншль Деборо и чешка Катержина Крафова).

Значительная часть музейной экспозиции посвящена этому замечательному артисту прошлого века. Однако колинский музей рассказывает и об искусстве пантомимы наших дней — о мастерстве француз Марселя Марсо и поляка Хенрика Томашевского, советского артиста Леонида Египбарова и чеха Ладислава Фвалки.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Это оригинальное сооружение, которое называется «Всемирные часы», органично вошло в современный облик площади Александера в столице ГДР. Цифры, размещенные на кольцевой ленте часов, показывают точное время в различных городах земного шара.

В новогоднюю ночь многие берлинцы пришли сюда, на «Алекс», и провели час «в всемирному времени», встречая 1971 год не только раз: ведь почти в любой момент на часах можно было найти город, жители которого поднимали праздничные бокалы.

«НИ», ГДР

В шведском городе Малмьё проводился смотр прогноза пожарной безопасности. Победителями оказались сотрудники фирмы «Малмьон», которые по сигналу тревоги сумели покинуть ее окружное здание за 3 минуты 15 секунд.

Городской муниципалитет присудил им первый приз. Представитель властей заявил с наградой в «Малмьон» через две минуты после окончания рабочего дня, однако шведский небоскреб фирмы был уже абсолютно пуст...

«СВЕТ», ЮГОСЛАВИЯ

11.

Любопытные результаты принесла международная анкета, проведенная среди научных и практических работников текстильной промышленности. Этот опрос позволяет представить в общих чертах одежду человека в начале будущего столетия.

Главное ее свойство — «эффект постоянства». Это означает, что одежду не надо будет ни шить, ни гладить. Не потребуются и стирка, ибо к тканям будущего не пристанет никакая грязь. Дамские туалеты будут менять свой цвет и раскраску (для этого одежду етои лишь обрабатывать в специальной газовой камере) и станут обладать водоотталкивающими свойствами.

Одежда XXI века будет иметь собственный микроримит; при ее изготовлении главным будет не шитье, а отливка и склейка.

«ЮГЕНД УНД ТЕХНИК», ГДР

«Мы превратились в нечто официальное или частное», — сцифкованно заявляет американский сенатор Корнелиус Галлахер. Ему не без удовольствия описаны случаи главных детентивов ФБР: «Мы обладаем сегодня техникой, которая немыслима для президента человека донага». «В скором времени», — прогнозирует профессор права в Йейтсовом университете Лэндрэ Муннинг, — частная жизнь каждого гражданина США будет зарегистрирована до мельчайших подробностей. Ученые получают новую информацию о любом человеке. Достаточно будет выключить кнопку электронно-вычислительной машины».

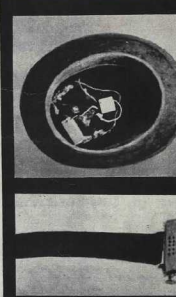
Все это не просто слова. Полинейская слежка стала настолько эффективной, что бизнес немедленно провозгласил на нее в ответ — возникла целая отрасль промышленности, производящая аппаратуру для тайного прослушивания. В свое время сенсацию провозгласил знаменитый масин и передатчик в минувший вторник, будет претов закону, запрещающему для очков, телевидению, курительную трубку, серьги, ожерелья и т. д.

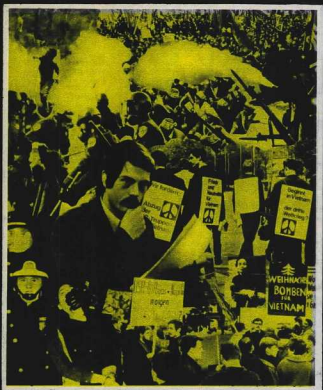
Подслушивание телефонных разговоров в Америке (во всяком случае, частными лицами) официально запрещено. Однако «шпионская индустрия» готова тут же тайные услуги, которые практически не могут выдать ее клиентов. В самом деле, главный промышленник в этой области, великий Бернхард Спиндел, вовсе не обязан посматривать таким образом мотрера и квартиру человека, чей образ мыслей представляет для него-либо особый интерес. Минстер Спиндел может просто-напросто подобрать на полунонии этой квартиры крохотное устройство — не больше, чем таблечка пирамидки, — и все разговоры в доме будут услышаны за несколько километров.

Более двухсот раз коммунистические люди полавали в суд на фирму Бернхарда Спинделла. В результате, Американизированный рынок продолжает наводниться изделиями, название которых — «спайки». Каждый, кто раньше удовлетворялся замысловатой схемкой, сегодня может за 400 долларов купить настоящий шпионский комплект на микрофон, передатчик и бесшумный автоматический фотонавигатор. Можно и подслушать, всего за 60 долларов — набор деталей, с которыми надо работать по принципу «Сделай сам».

Американская пресса типично «чуждому» обществу, прогрессивная общественность страны возмущена, но «шпионская индустрия» продолжает свой бизнес. Бернхард Спинделл и ему подобные напали на золотую жилу.

«ПЕРСПЕКТИВА», ПОЛЬША

СЛОВО К МОЛОДЫМ

Николае ГИЛЕН,
бухарестский поэт,
лауреат международной
Левинской премии
«За укрепление мира
между народами»

Мне кажется, в крылатой фразе итальянского политического деятеля Бенедетто Кроче: «Молодость — это болезнь, которая излечивается со временем» — звучит как раз стариковская досада. Но, несомненно, бывают молодые старики и старые юнцы. Так, Мессе и Болдер состарились душой и телом, когда они были в расцвете сил и могли творить, а Гюго и Гете пулились молодым задором и в глубокую старость...

Как там, ни говори, а настоящая

«Насущной необходимостью нашего времени является укрепление единых действий молодежи в борьбе против империализма, против его агрессивной и эксплуататорской политики, против его идеологии и угрозы, которую он представляет для мира и безопасности всех народов, а также усиление международной солидарности молодежи с народами, борющимися против всех форм империалистической агрессии и угнетения, против колониализма, неоколониализма, за свою свободу и независимость»

(Из Программного заявления ВФДМ, принятого восьмой юбилейной ассамблеей федерации в ноябре 1970 года).

молодежь в дни испытаний никогда не обманывает надежды. Без нее мир не может идти вперед.

Я много думал об этом и часто высказывал такую мысль: если бы молодежь не поддерживала ни эгоистичной войны, ни империалистической агрессии, то не было бы ни того, ни другого. Лидеры молодежи должны воспитывать ее в духе ненависти к войне, ибо война всегда является человеческим, пушечным мясом; американские миссионеры, потребовав однажды человечку, уже не могут не пожарить ее на своих кро-

вавых банкетках. Если бы молодежь США по-настоящему отказалась сказать во Вьетнаме, что бы мог сделать ее в эту войну!

Сознательная молодежь играет все более важную роль в событиях наших дней. Такими молодыми политиками, которые строят мир справедливых и свободных людей, новое общество.

И пусть драматические дни, которые мы переживаем, трагические поколения вспомнят лишь как страшный сон, пусть подобные сны никогда не нарушают покоя Человечества!

ДОНОСИТЕЛЬСТВО

АГРЕССИЯ

«В ОБЩЕСТВЕ НАЕМНОГО РАБСТВА ВСЯКИЙ КУПЕЦ ВСЯКИЙ ХОЗЯИН ВЕДЕТ АЗАРТНУЮ ИГРУ: ЛИБО РАЗОРНОСТЬ, ЛИБО НАЖИВУСЬ И РАЗОРЮ ДРУГИХ!... ТАКУЮ ЖЕ АЗАРТНУЮ ИГРУ ВЕДУТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА, ИГРУ КРОВЬЮ МИЛЛИОНОВ, ПОСЫЛАЕМЫХ ТУДА ЗДЕСЬ ТО ТАМ НА ВОЙНУ РАДИ ЗАХВАТА ЧУЖИХ ЗЕМЕЛЬ И ГРАБЕЖА СЛАБЫХ СОСЕДЕЙ».

Эти ленинские строки были напечатаны в «Правде» 4 октября 1912 года. Меньше чем через два года империализм развязал новую и в истории человечества войну, которая обошлась миру в 10 миллионов убитых и 20 миллионов раненых [для сравнения: за весь XIX век войны унесли 5,5 миллиона человеческих жизней]. Вторая мировая война, закончившаяся самой оголтелой частью империалистического общества — фашизмом, убила 54 миллиона человек и ранела 90 миллионов.

«ВОЙНА — НЕ СЛУЧАЙНОСТЬ, НЕ «РЕК», КАК ДУМАЮТ ХРИСТИАНСКИЕ ПОПЫ... А НЕИЗБЕЖНАЯ СТУПЕНЬ КАПИТАЛИЗМА. СТОЛЬ МЕ ЗАКОННАЯ ФОРМА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЖИЗНИ, КАК И МИР» (в. И. Ленин «Положение и задачи социалистического Интернационала»).

Массовое кровопускание не обмануло и не исчерпало нуду империализма. В мире не разумеется, относительно мирное время он готовит новые убийства. За двадцать лет существования агрессивного блока НАТО капиталистические

страны, существовавшие в этот павт, истратили на вооружение 120 000 000 000 долларов. Эту астрономическую цифру можно разве что назвать и прочесть, но не выговорить. Между тем пятая часть этой суммы хватало бы на то, чтобы все население развивающихся государств мира за 25 лет достигли нынешнего экономического уровня Англии или Франции.

ИМПЕРИАЛИЗМ ЭСТЬ ЭПОХА ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА И МОНОПОЛИИ, КОТОРЫЕ ВСЮДУ НЕСУТ СТРЕМЛЕНИЯ К ГОСПОДСТВУ, А НЕ К СВОБОДЕ. РЕАКЦИЯ ПО ВСЕМ ЛИНИЯМ ПРИ ВСЯКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОРЯДКАХ, КРАЙНЕЕ ОБОСТРЕННО ПРОТИВОВОЕННИ И В ЭТОЙ ОБЛАСТИ — РЕЗУЛЬТАТ ЭТИХ ТЕНДЕНЦИЙ, ОСОБЕННО ОБОСТРЕТСЯ ТАКЖЕ НАЦИОНАЛЬНЫМ ГНЕТ И СТРЕМЛЕНИЕМ К АННЕКЦИИМ Т. Е. И НАРУШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ...» (в. И. Ленин «Империализм, как высшая стадия капитализма»).

Полтора миллиона американских солдат — половина всей армии США — находятся сегодня за

ТИ ИМПЕРИАЛИЗМ

рубежами своей страны или выполняют роль полицейских сил. Американские войска расположены в 63 странах мира, занимая 450 военных баз на чужой территории.

...УСИЛЕНИЕ МИЛИТАРИЗМА, УСИЛЕНИЕ И УСКОРЕНИЕ ПОДГОТОВКИ К НОВЫМ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМ ВОЙНАМ, ЭКОНОМИЧЕСКИ НЕИЗБЕЖНО: УВЕЛИЧЕНИЕ ЧИСЛА ВОЙН ВО ВСЕМ МИРЕ И ПРИТОМ ВОЙН, ОСОБЕННО РЕВОЛЮЦИОННЫХ — ТАК, В ЧАСТНОСТИ, ХАРАКТЕРИЗОВАЛ В. И. ЛЕНИН В СВОЕЙ ЗАПИСКЕ «В ИСПОЛКОМ КОМИТЕРА» [1920 г.] ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:

Ленинская формулировка была полностью подтверждена событиями и после второй мировой войны. За эту четверть века не было НИ ОДНОГО ГОДА, когда бы какое-либо империалистическое государство не вело агрессивные войны против того или иного народа, сражавшегося за свою свободу и независимость. Вот далеко не полный список преступных войн и агрессив империализма за минувшие 25 лет:

— 1943 г. — начало военных действий Франции против Лаоса, Камбоджи и Вьетнама; 1946 г. — Великобритания против Омана и Адена; 1947 г. — Франция против Мадагаскара; 1948—1954 гг. — Великобритания против Малакки; 1948 г. — США против Филиппин; 1950—1953 гг. — США и их сателлиты против КНДР; 1945—1949 гг. — Голландия против Индонезии; 1952—1954 гг. — Великобритания против Кении; 1954 г. — США против Гвинеи; 1954—1962 гг. — Франция против Алжира; 1955—1959 гг. — Великобритания против Кипра; 1956—1958 гг. — Франция против Туниса; 1956 г. — Великобритания, Франция и Израиль против Египта; 1958 г. — США и Великобритания против Иордании; США против Ливана; 1957 г. — США против Пакиста; 1960—1963 гг. — Бельгия и другие империалистические государства против Конго; с 1960 г. — США против национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме; 1961 г. — США против Кубы; с 1961 г. — Португалия против Анголы; 1961—1963 гг. — вновь Франция против Туниса; 1962 г. — вновь США против Кубы; с

1962 г. — Португалия против Гвинеи [Бисау]; с 1964 г. — Португалия против Мозамбика; с 1965 г. — США против ДРВ; с 1967 г. — Израиль против ОАР и других арабских стран; 1970 г. — США против Камбоджи...

Этот список, повторяем, далеко не полный. Он лишь часть обвинительного акта, который рано или поздно будет предъявлен главному преступнику нашего времени.

«Юность обличает империализм». Кампания, проводимая Всесоюзной Федерацией Демократическое Молодежь, ширится с каждым днем, привлекая все новых обвинителей и свидетелей. Советские юноши и девушки, молодежь страны, которая гордо сбросила с себя империалистическое иго и которая является главным оплотом антиимпериалистической борьбы, как всегда, в первых шеренгах бойцов, сражающихся против члениво-империалистического общества.

Сегодняшний подборок материалов «Смена» открывает первую страницу своего досю, озаглавленного «Дело империализма».

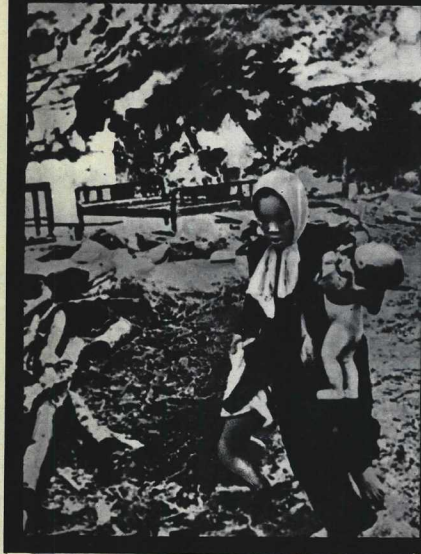
ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

Три президента и один военный министр Соединенных Штатов на этих снимках. А жест, указующий на карту Юго-Восточной Азии, все тот же...

Джон Кеннеди направил «тихих американцев», своих военных советников, в Южный Вьетнам для ведения «специальной войны». Бывший министр обороны Роберт Макнамара с благословения тогдашнего президента Линдона Джонсона, который требовал «тотального разрушения Вьетнама», начал бомбардировки ДРВ и Лаоса. Сегодняшний президент США Ричард Никсон отдал весной 1970 года приказ о вторжении в Камбоджу.

«УБИВАТЬ, ПОТОМУ ЧТО»

Мало-помалу взмет в болоте судорожного кривошея процесса над лейтенантом армии США Уильямом Колли и его сообщниками, застрелавшимися во вьетнамской деревушке Фанг. А тем временем становятся известными новые чудовищные факты, которые неопровержимо доказывают: Сонгмю отнюдь не «несчастный случай», не «инцидент», как пытаются уводить легковерных президент США Ричард Никсон и его пропагандистский аппарат.

Только что в Нью-Йоркском издательстве «Симон энд Шустер» вышла книга американского юриста Марии Лэйно, известного своими исследованиями загадочных обстоятельств убийства Джона Кеннеди. На этот раз Марии Лэйно лишь от американских солдат, которые волеями во Вьетнаме и вернулись домой, либо в свое время дезертировали в Швецию, Вернее, они не слышат о них, а разговаривает с ними. Книга так и называется — «Всегда с американцами». Вслушайтесь в этот страшный диалог, зафиксированный безстрастным магнитофоном.

ЧАК ОНЭН из Небраски

Вопрос. Вас когда-либо готовили и проведению допросов пленных?

Отвечу. Да.

— Где?

— На всех военных базах. Но за месяц до отплытия во Вьетнам обучение было усилено. На базе морских пехотинцев в Бофорте (Южная Каролина) нас готовили и делили на дивизионы. Там же нас учили, как пытать пленных.

— Кто давал вам эти инструкции?

— Чаще капралы, но бывало, что и лейтенанты, а один раз даже капитан.

— Чему вас обучали?

— Как пытать пленных...

— Как пытать пленных?

— Ну, как снимают обувь и бьют человека по подошвам. В сравнении с другими мерками эта еще была мягкой.

— Какие иные меры вы изучали?

— Как прикладывать электроды и половым органам.

— Об этой технике вам рассказывалось?

— Нет, на доске были рисунки, из которых все становилось понятным.

— Кто-либо из офицеров рисовал их на грифельной доске?

— Нет, рисунки были отпечатаны типографским способом.

— Чему еще вас учили?

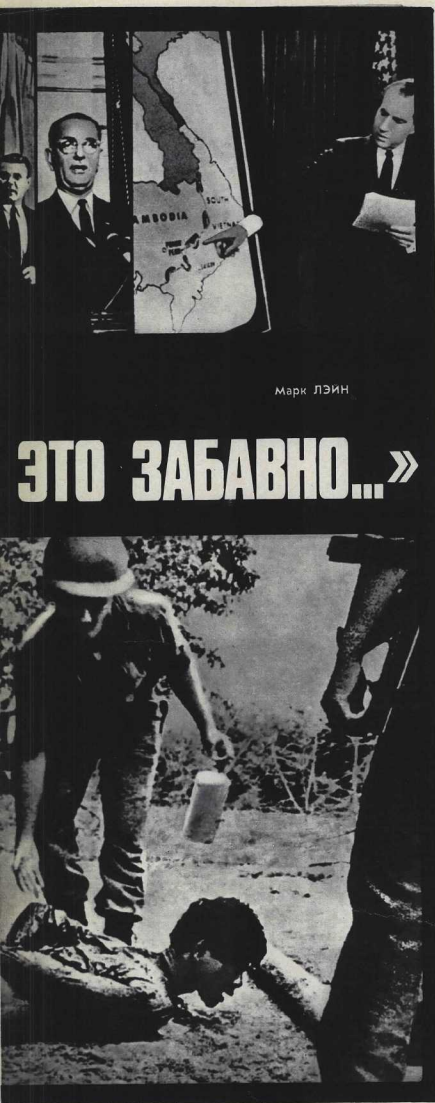
— Как срыпать ногти с пальцев.

— С помощью каких инструментов?

— Обычными нусачными, которые используются, сжав, в радиотехнике.

— Что еще входило в обучение?

Марк ЛЭИН

ЭТО ЗАБАВНО...»

— Разное. Например, как применять бамбуковые палочки. А мины?

— Их заголяют под ноги или в уши.

— Получали ли вы специальные инструкции насчет допроса женщин?

— Да. Но они были слишком садистскими. Я не хотел бы об этом говорить. К чему? Хочется забыть об этом.

— Говорилось ли вам о специальных применениях вертолетов?

— Да. Они очень веселили, рассказывали, как однажды во Вьетнаме привадили пленного за руки и ноги и два вертолета, потом машины поднялись в воздух и разорвали человека пополам.

— Кто вам это рассказывал?

— Один инструктор, напарл.

— Он это видел своими глазами?

— Он сам это делал.

— Сколько времени длилось обучающее допросам и пыткам?

— Больше шести месяцев, в среднем по пять часов в неделю.

— Да, учеба была напряженной... На юридическом факультете, где я учился, по своему основному предмету, уголовному праву, я имел еженедельно лишь два часа занятий в течение пяти месяцев.

— Как готовились основательно. Причем занятиями дело не ограничилось. Мы ведь жили вместе с инструкторами, обходили вместе, строили в одной тише, и они постоянно рассказывали нам о своих делах во Вьетнаме.

— Что же мины?

— Как они убивали и пытали пленных, наводили девушек. У них и фотографии были...

— Как реагировали новобранцы на такую тренировку?

— Они врывались. Большинство в морской пехоте — добровольцы. Они развалились предостоящей позорно во Вьетнаме, хотели применить на практике все эти наводки...

ЭД ТРЕАТОЛА из Нью-Йорка

Вопрос. Как выглядела ваша подготовка?

Отвечает. Мы должны были бегать и петь песню о том, что убьем вьетконговцев.

— Что за песню?

— «Вьетконг, Вьетконг, убивать, убивать, убивать! Я должен убивать, я должен убивать, потому что это забавно, потому что это забавно».

— Что-нибудь еще в этом же роде?

— Еще волонтеры. Текст ее висит во всех казармах морских пехотинцев в Паррис-Айленд. Каждый вечер перед сном мы были обязаны попеть о том, чтобы была война...

Ричард ДАУ из Айдахо

Вопрос. Были ли вы участником операции, во время которой были убиты мирные жители?

Отвечает. Да. Была девушка севернее нашего лагеря. Мы получили сообщение, что там вьетконгские солдаты. Мы послали разведку в деревню, но ее староста, симпатизировавший вьетконгцам, заявил, что нам следует убраться. Мы вернулись с подкреплением и срыпали деревню с землей.

— Как?

— Напаломом, артиллерией, бронетранспортерами.

— Сколько человек прожигало там до этой атаке?

— Около четырехсот.

— Сколько осталось в живых?

— Один.

— Кто был убит?

— Все. Женщины, дети, буйволы, куры, козы, все...

— Это была необходимая операция?

— Нет. Подобные мы делали и раньше, когда получали приказ сжечь деревню дотла, но убивать не всех.

— Вы получали приказ не брать пленников?

— Да. От своего лейтенанта.

— Часто?

— Да.

— И что же?

— Мы не брали пленных. Убивали каждого, кто попадал в плен.

— И раненых?

— И раненых.

— Вы были свидетелем этого?

— Участником.

— Почему?

— Через какое-то время человек заорет, делает все это инстинктивно, ничего не принимая всерьез. Можете, хотя бы примерно, сказать, сколько пленных и раненых вы сами убийли?

— Понамудру 250.

— А сколько таких случаев вы видели своими глазами?

— Думаю, тысяч две, может, три.

— Имеете ли вы какие-либо награды, отличия за свои действия во Вьетнаме?

— Именно «Бронзовую звезду», почетную аргентинскую медаль мужеством от южновьетнамского правительства, пару «Глурриус» сержанта... Да, еще президент выразил специальную благодарность нашей части.

Джамал РОБЕРСОН из Вашингтона

Вопрос. Что это был за человек?

Отвечает. Его звали Митчелл, рост 183 см, хороший солдат, но... совершенно суеверный. Он служил в гвардии дивизии. Там давали трехдневный отпуск за порывистые чистые ботинки врагов — надо было только прельстить их уши. А он принесил только стертые ботинки.

— Вы сами видели, как он приносил стертые ботинки?

— Я был в своей палате, в лагере, и он сам их принес. Он всегда так странно смеялся и говорил: «Еще одного несогласованного подполковника».

— Почему вы хохотали вместе на мою кроватку и расстроили его три или четыре года спустя, когда он вернулся? Я закричал, а он рассмелся и стал сортировать голыши...

Гарри ПИММТОН из Техаса

Вопрос. Как проходили допросы пленных?

Отвечает. Обычки мы забирали питейных с собой в вертолет. Начали говорить с одним, он молчал, его выбросили из машины.

— Кто принял такое решение?

— Офицер связи, лейтенант.

— Выбросили только одного?

— Нет, четверых.

— Что стало с пятым?

— Он заговорил, и его потом отпустили в лагерь для военнопленных.

— На какой высоте летел вертолет, когда из него выбрасывали людей?

— Метров 300.

— Все пятеро были солдатами?

— Вьетконгцами.

— Солдатами?

— Ну... партизанами.

Марк УОРРЕЛЛ из Калифорнии

Вопрос. Что вы можете сказать об обращении с пленными?

Отвечает. Обычки наш патруль привел с собой раненого вьетконгца. Его бросили на землю, солдаты ступили конуру. Напарл спросил: «Кто хочет прикончить? Плясачка или номинал по-английски, он знал только два слова — «Минская конвенция». И повторял их все время. Он был совсем мелоч. По нему нельзя стрелять, потому что он вскакивает, когда пуля попадала в ширь. Никто не хотел быть последним, кто выстрелил в него. Поэтому были конволяторы ушей. Мы могли стрелять в него, но не знали, если будут протестовать по этому поводу, мы патрульные службы получат пулю в спину.

— Известно ли вам что-либо о пленниках на деревни?

— Да. Одна часть вьетконговцев действовала на севере, в районе Куанг Три. Они обмундированы в деревне подлинных военных госпиталей. Свыше 50 тысяч раненых вьетконговцев. Все их пристрелили в кратоват. Это было в октябре 1967 года.

Джозеф ГРАНТ из Иллинойса

Вопрос. Делается что-либо для того, чтобы отградить вьетнамских детей от войны?

Отвечает. Это невозможно. Дети неосторожны от войны. Наши инструкторы предупреждали, что дети могут прийти под одеждой зарплатного или оружие.

— Что же вы должны были делать в связи с этим?

— Оттуживать приближавшихся и нам детей. А если они подошли ближе — стрелять.

— Вы это сами видели?

— Да, не меньше четырех раз.

— У этих четверых убитых детей было найдено оружие?

— У этих нет...

БЕЛАЯ

ВОЕННЫЕ ЛЮБЛЮЩИЕ

Михаил БАРЫШЕВ

ПОВЕСТЬ

Глава I

В деревянном чреве мотобота надрылся, чихая дымом, разболтанный мотор. Стенка рулевой рубки тутажу вибрировала. Будто в нее, как в большой зуб, шло сверло бормашин и выгрызало невнятное дуло.

Отворать липо от стенки Ленька не мог. Красные дыски казались ему последней опорой. Ефрейтор Ленька Кобликов плакал, не стесняясь слез и не вытирая их. По-малышески всхлипывая, глотал солоноватые струйки и кривила губы. Узкие плечи со смитыми погонами, перемеренными замусоленными лычками, выдвигались, но дрожь не терзалась в насаженной траске корпуса.

Море без устали гнало тусклые складки мерной воды. Волны играючи поднимали одинокий мотобот, на мгновение задерживали его на гребне, словно раздумывая, как сделать с деревянной скорлупкой, упорно ползущей по фиорду. И очередной раз скидывали вниз, в провал воды, в пеленах тумана жадную яму.

Вместе с ботом качался фиорд, качались скалы и небо.

— Заклещешь ведь, парень, — скавал простуженным басом матрос, сидевший на корме возле самодельной турбины, на которой был пристроен турполярный «максим», уставивший в небо стоек пулеметного дула. — Заклещешь, говорю... Спустишь в кубрик, погребешь малость. Здесь ветром насквозь прохватывает, а у тебя на шивале злов такое окошко...

Ленька поглядел на матроса осоловелыми от качки глазами и попытался прикрыть прореху на боку шинели.

— Не бойду. Душно там и тошнит очень...
— Ну, тогда закури... Обогреешь табачком.
— Я не курю.

— Не поспел, выхлуди, вычухица... шумно воздушку матрос, обмяс с головы кашпоном брезентового плаща и достал кисть из оленьей замши с нарядными, цветного сукна, прошивами. — Курить еще не умеешь, а тебе такая маета выпала... Эх, жизнь, кузьянка перчинца...

Он свернул цитарку и, зажав ее в щепотку, как это делают люди, привыкшие быть на ветру, пахнул дымком.

— Второй-то яки?
— Жил... У него крупное воспаление легких.

— А ты откуда знаешь?
— У меня мама доктором работает... Под Воронежем... Я сам хотел в медицинский поступить... На врача.

— Тогда, конечно, — согласился матрос, — должно быть у тебя поноса. Болезнь — это лечец. Пуля вроз человека может кончить, а болюх, докторам время дает... Часа три еще нам ходу. Вымернемся в море, пройдем мимо острова — и считай, что дома... Туману хорошо навалило, в такой раз подсыпало. Хоть оно и пришлось из-за него постоять, зато теперь

идем, как у бога за паузой... На прошлой неделе нас здесь «конек», зараза, прищучил. На велику шлюп отпергались. Разве «максимкой» «конек» осанишь? Что для него это пулка?

Матрос хлопнул ладошкой по ребристой, в облезлой краске кожуху пулемета — единственной защиты старенького рыбачьего мотобота, вот уже три года носящего нелегкую службу под военным номером.

— Рулевого, Петра Игумнова, тогда у нас убийло... Корму исклевала очередями... живного мотса нет, я меня не признаю... Поди знай, как иной раз бывает... Боемью уж я на боте пулеметчик. Туман — это хорошо...

Лохматым шерстяным одеялом туман укутывал фиорд от берега до берега. Лишь у выхода в озеро, у высокого мыса, к которому направлялся мотобот, тургой морской ветер разогнал дымчатые хвосты. Теревил их, мяд, разрывал на клочки и отбывал от воды вверх, где они сливались с теплыми, набухающими дождем облаками.

— Пять дней, значит, вы на Вороньем мысу высидели! — снова заговорил матрос. В голосе его не было любопытства. Проявляла лишь затененная усталость. Говорил он потому, что однажды было сидеть молча у пулемета, уставленного в небо, и хотелось, видно, ему по добросредству души расхвалить заставшего у рулевой рубки молоденького ефрейтора, не понимавшего еще, что на войне слезами ничего не выплывешь.

— Пять, — откликнулся Ленька. — Пять суток.

— Досталось нам... Проклятое место этот Вороний мыс. И в мирное время там по своей охоте человеческая жизнь не ступала, а уж в войну... Знаю, считай, я горькую подождал... В холода стрелять, как зудо на боте плавать... Трое, значит, как вашей группы поделого?... Все половины...

«Трое» — мысленно откликнулся Ленька и посмотрел на правой борт. Там из-за рубки торчали неподвижные кирзовые салоны. На правом темпела аккуратная, умело простроенная двойным швом союзя.

Созока из салого была хорошо знакома Леньке Кобликову. За пять суток, когда он полагал по скалам Вороньего мыса, кирвач с обоюженными головками частенько оказывался перед его глазами.

Теперь в окантованной неподвижности рыжых, выношенных солдатских салонов ощущалось безразличие смерти, равнодушие небастья, в котором не было слез, горьких дум, усталости, тошнотворной слезы, надоедавших разговором матроса, страха перед непонравившей болью, навалившейся на плечи ефрейтора Кобликова.

Ленька не видел, как умер сержант Докукин, недолгий командир разведпути. Ночью, когда Докукина переносили на бот, он был жив. Стонал, отлеплявая розовую шугу, бормотал бессвязные слова.

Докукина спустили в кубрик, перевязали рану на животе у лоджии на койку.

Разомлев в тепле кубрика, Кобликов забился тяжелым сном. Проснулся он словно от неведомого толчка. Круто вскочил, ударился головой о балку, размягдил тусклый свет, пробивающийся в иллюминаторы, ощутил надбрюшную дрожь корпуса и собрался, где находится.

Докукина в кубрик уже не было. На нижней койке темнел на голых досках свернувшийся полосатый матрац.

«Где же сержант? — удивился Ленька, и в это время кубрик начал стремительно проваливаться вниз. Тепло стало неожиданно легким и пустым. Заполняя пустоту, поехала к горлу тошнотворная муть. Ленька метнулся к трапу, высочился на палубу, с обморожением ощутил свежий ветер и отрезывающую сырость тумана.

Тут он заметил по правому борту знакомые салоны с союзями на головках. Ленька шагнул к рулевой будке, поднял заблужденную плаццарную и увидел Докукина. Мертвые колесо, глаза, закатившиеся в костяные глянзицы, тугой клоч подбородка, заросшего щетиной, и мертвую руку. Короткие пальцы с твердыми ногтями и набрякшими жилами не застыли, мотая на стибе и коуюю сядину, затанковую расстрелявшейся коростой.

Ленька медленно опустил взгляд пестрокрашенной палатки с бурными пятнами спешившей крови.

Пока он спал, слезы из жизни человека, ставший Кобликову близким за странные пять суток, проведенные на Вороньем мысу.

Трудно удержать в тускоте. Может, мучился Докукин последние минуты. Может, хотелось ему сказать самое важное, самое нужное оставшееся слово, поспроить о чем-нибудь...

А вдруг сержант звал Леньку, кричал ему, на последние дни размыкая губы?..

Ленька же хранил на верхней койке во все авертки, и Докукину, наверное, невнястно было слышать бездумный крик того, кто его спас ценой собственной жизни.

Эти мысли дядовок ко всему, что довелось пережить, обессилили Кобликова. Он припал щекой к грязным доскам рулевой рубки и заплакал от беспомощности, страха, обиды и усталости.

Собственная жизнь показалась вдруг ему бессмысленной и неуживой. Исчезла болезнь перед тем, что омыдало во возвращении в роту. Ленька плакал о себе, как о ком-то постороннем, измученном, обожженном. Этого постороннего, измученного, обожженного, так как он хорошо знал его и никогда не думал, что на него свалится столько бед...

В семидеат лет не было у Леньки Кобликова еще брочи над сердцем. Под шинелью, под погонами с ефрейторскими лычками продолжала и нем жить мальчина, которого мать и другие звали Ленчиком, который сидел за партой, играл в футбол на пустыре за школьной, пил на ночь горячее молоко, читал про Петера и Менчикова и мечтал, что станет врачом...

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

Прощу в штурмовую группу назначить...
— У менями просится, старшина, а в армии выполняю приказание.

Капитан развернул карту и объяснил Гнеушеву задачу.

— Прощу назначить в штурмовую группу, товарищ капитан... Разве это задание?.. Чистый же курор.

— Вот-от, в самый раз тебе и подойдет. Что не добрал в медсанбате, на Вороньем мысу нагонись.

Старшина горестно вздохнул. Переступил с ноги на ногу и сообразил, что просьбы и слезливые слова не помогут. Донеке-таки его капитан за самоволку. Умеет ротный ухватить любого разведчика, как малого курюка. Ткнути, например, в порядке воспитания дисциплины в такую дыру, как Вороний мыс, и ничего не скажешь — босовой приказ!

— В группе пойдут сержант Докукин, Забара и Лыткин...

— А радистом кто, товарищ капитан?

— Новенького возьмем... Кобликов.

Гнеушев подумал, что, пожалуй, при укаре из медсанбата. Лучше уж там было кантоваться до законной выплески. С сестричкой же из перелочной являю дела налаживались. Аккуратная такая сестричка со всех сторон, скороняга и глаза — словно она из каждое утро сыпачкой прымывает. Надешкой зовут...

— Нет других, Гнеушев, — сказал Еланишинов, сворачивая карту. — И этих яля набрал.

— Радиста хоть спощного дайте... А то паша-денюк... Четыре раза в сутки связь держать.

— И радиста другого нет, — ответил капитан. Получив приказ отправиться с разведгруппой

на Вороний мыс, Ленька Кобликов понял, что наконец обаяется его давняя мечта. То, о чем он думал, обывая пороги военкомата с просьбой отправить на фронт, чего хотел на курсах радистов, ворочаясь под шинелью на нарах в баране, где холод лето дожимал курюков, ослепивших на тыловой норме. Вот уже второй месяц он дожидается настоящего фронтового дела, окопавшись в дивизионных тылах.

И все потому, что Ленька Кобликов ростом не вышел, что до восемнадцати лет ему еще не хватало трех месяцев. А по секрету сказать, так целых восьми, потому что служавки Ленька. Исправил он в графе «год и месяц рождения» условно написанную цифру, чтобы поскорее попасть на войну.

— Есть, товарищ капитан!

Взгляд Кобликова был ясен и ярем. Глаза на мальчишеском лице, покрасневшем от волнения, были чисты и неунынными, как весенние проталаны на снегу. Широкие брови, редкие клопачки на переносице и веточки вьсы на гладкой шее заставили капитана вспомнить слова Гнеушева — «Пашаненок»... «Как есть пашаненок», — подумал недоучившийся филолог Еланишинов, который хотел преподавать русский язык и литературу вот таким ребятникам, а вместо этого ему приходится посылать их в немецкий тыл.

Толстолицый белорус Остап Забара, выслушав приказ, моргнул маленькими, всегда недовольными глазами.

На Вороний мыс, так на Вороний... В этих местах все одинаково — камни, вода и болотины. Здесь, видно, и в мирное время беда везла беду, а третья погоняла. Животины, считай, не

проживет в таком гиблом крае, а люди, как люди, никак не выживут собаки, здесь насмерть хлещутся.

Игорь Лыткин удивился, что командир роты посылает его на Вороний мыс. Потом подумал, что, пожалуй, все складывается к лучшему. Второй год служил Лыткин в разведротге, а на груди у него одиноко красуется лишь лейтенант «За боевые заслуги».

Несправедливо оназалась военная судьба Игоря Лыткина. Виною тому был красивый, каллиграфически четкий почерк, отработанный в мирное время, когда Лыткин заполнял в берегательной кассе девешние документы. Другие ходивая в тыл, добавляли трофеи и погуляли наградми, а Лыткин корпел в роте над писаниной. Составлял ведомости, доносения и вымускал боевые листки. Иисал в них ровными почерком со щегольскими завитушками заметки про героиские дела разведчиков и рисовал ширококле- чего бойца, замахивающего противотанковой гранатой.

— Слушаюся, товарищ капитан, — четко ответил Лыткин. Берто курюуде и бетом, придерживая сумку, набутую блокнотами и карандашами, отправился готовиться к выходу на задание.

Пятым в группе шел сержант Докукин, устный прихвостник из местных поморов. В роте Докукин служил всего три месяца. До этого ему довелось потопать и в нехоте и с полгодом кантоваться ездовым и ховьезде бивью-араческого батальона, каночуемого в протесторнии «мыльным пузырем». Получив под начало пару старательных коников, Докукин было решил, что так и кончит войну, доставляя в батальон белье и прочие нужные вещи. Но осколок

вал куски из одной в другую. На блу его собрался сосредоточенный складочки человека, занятого нужным делом.

— В крайнюю добавь, сервант, — подкаивал Забара, наблюдавший за деловой провизиткой. — Косовров сколько на брата, старшина? — спросил Докукин, вытаскивая плоские, эконоимые по размерам, баночки тресковой печени.

— По банке на нос, — распедался Гнеушев. — После такой горки надо основательно заправиться, а то враз баллоны спустат.

— Ну что ж, давай для пробы усы помарам, — сказал Докукин, ловко взрезав луженую жестяную банку, набивая брусочки, слово камешками.

Пощипав на сухарь склянок кусок тресковой печени и аппетитно чмокнул.

Ленька Кобликов стралдальчески сморщил лицо. Есть ему хотелось, но он знал, что не проглотит и грамма печени, зашитой рыбным жиром. Стойкое отвращение к этому продукту было у Леньки с детских лет. Заботливая мама-врач заставляла сына каждое утро глотать противную, конючую до рвоты, жирную желтую жидкость. Слезы бессильных протестов не могли остановить руку, подсовывающую ко рту Леньку шершавую алюминиевую ложку, от которой было в нос нестерпимым вылаком.

Поворот в руках банку, Ленька отдал ее Забаре.

Возьмите, я эти консервы есть не могу.

Остатки взял банку, и лицо его подобрало.

— Погоди, — остановил Гнеушев. — Ты, Кобликов, эти телачьи деликатности брось... Своим духом будешь пять дней питаться? Эдак ты и радио не ослышишь таскать...

— Не могу я рыбый жир, товарищ старшина... Честное слово, не могу! — Ленька приложил к груди грязную руку, и губы его смались в страдальческую улыбку. — Вытоснит меня...

— Да что вы, товарищ старшина, к чему прицепились, — вступил Забара. — Не может же человек утробу насыловать... Я ему половину сушарей отдам и брызни... Брызня, она сытная...

Гнеушев махнул рукой и снова начал читать радиста капитан Епанешников наваяла ему несущего. Печень трески ой, видите ли, кушать не может. К ночи, глядясь, пуховичок у командира разведпункта попростел. Небось, малякши его уцеля, что на сырой земле вредно спать... Комедия!

Небо прочертила ракета, залетевшая километрах в двух н-за береговых западных сопот. Всклудилась неужели звездочкой в свете солнечного дня и стрелы, оставив длинный шов. Потом в той стороне, где находились перешеек, пресмыкался дробный перестук пулемета.

Полохотный сонли, где в седловине привалились разведчики, медленно стекал к середине мыса. Там, хорошо видимое, протянулось колючатое болото с круглыми, будто обведенными циркулем, озерком. Из него на лапах уходили ручьи. Темный, без веселых извилин, опущенный по берегам плотным брнком — зарослям густой полярной ивы. Километра на полтора ручей простирался на седловину, потом заворачивал в распадке между сопками.

За лощинкой горбатилась каменная гряда, полукругом опоясавшая подходы к бухточке на завандом берегу мыса, куда, по сообщениям авиаразведки, шипрали катера из норвежского рыбачьего поселка.

Ракеты и непонятная стрельба насторожили командира группы. Инстинкт, чутье опытного разведчика подсказывали, что ракетный удар упадет на ири. Из пулемета им тоже вроде падать им к чему.

«Ладно, раскумекаем в полномента все зачатки», — думал Гнеушев, присидевшая, зад прохаживая к бухточке. Натяжки, по пологому склону, где тебе будет видно за километр, где у егерь наварила пожелтые и секреты и наблюдатели, не пройт. Начальству надо было на ручьи, что текут от северных бухточек. Ели и дальше, в распадке, по берегам ручья густой брнот, то в сумерках или на утренней неясной зорьке, когда наблюдатели и секреты слепот носили, там можно, покаяв, прочесть к бухточке. Идти надо направи — по обном берегам ручья. Это уже завтра. Пока надо прогуляться до оверка и разобратись, кто татака из пулемета в стороне перерыва.

— Я к оверку попробую пробраться, а ты, Докукин, двиняй к перешейку. Лйтник и Забара останутся здесь для наблюдения и охраны разни. Сидеть тихо и без надобности не высываться. Чую я, что какую-то пакость егери собирают, — озабочено добавил он.

Продолжение следует

Иосиф БОГАТЫРЕВ

ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА
С
ПОЭТОМ

Иосиф Богатырев работает слесарем и заочно учится в Литературном институте. В центральной печати опубликовал стихи впервые — до этого Иосиф печатался у себя на родине. У молодого поэта есть символистские строки в стихах, но столько же чаще вспоминают тех, кто делает первые шаги в поэзии:

*Витязь не тот, кто пришел на распутье,
А тот, кто дорогу избрал и прошел.*

Будем надеяться, что дальнейшее творчество талантливого рабочего-поэта подтвердит эту истину.

Георгий ЛАДОНЩИКОВ

Ели

Вы былина и старая быль,
Добрые, с мглами, мудрые ели.
Ваше слово повторит ковыль.
Ваша сказанья — в устах у метель

В грозы и стужи столетий лихих
Зелень ваям сохраняете, ели.
Хочется вам уподобить стихи,
Чтоб и они никогда не стлели.

На распутье

Увидано много, услышано много
И проведено много ненужных дорог.
И вновь предю мною чтыре

дороги:
На север, на запад, на юг, на восток.

Направо пойдешь — залпугаешь
в трясинах.
Налево пойдешь — ождает грозы.
Мятельному сердцу вперед не под
силу
и поздно уже возвращаться назад.

Дороги, дороги — суровые судьбы!
В раздумье стою, поймав душу,
Что витьяз не тот, кто пришел
на распутье,
А тот, кто дорогу избрал и прошел.

Рисунки Киры СОШИНСКОЙ

Старушка кормит голубей

Старушка кормит голубей
Из своих сморщенных ладоней:
Мольба, призванье судьбы
В глазах печальных и бездонных.

Старушка кормит голубей.
Она долгие кормит кого-то —
Савта доля матерей,
Их жизни, их радость, их свобода.

Старушка кормит голубей —
Нет лучше, кажется, дела,
Как будто души сыновей
С полях сраненыя прилетели.

И снова лтний перелет.
Все небо в журавлиных косах.
Мне жизнь пою не дает,
А ты все прощай: успокойся...

И снова падает листва.
Промерзла поздняя отава.
Тан вечность года пронеслась,
Нам травни жельте остави.

А я растеряно бегу
За прошлым, как за чем-то зрмыим.
В раздумьях по волнам бреду,
Холодными, теньки, ползуныими.

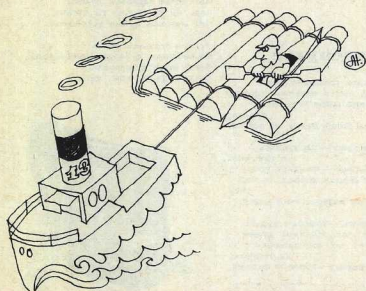
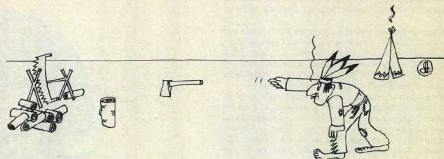
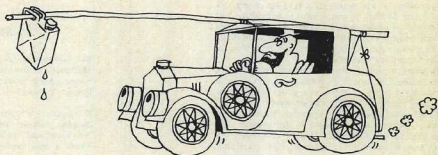
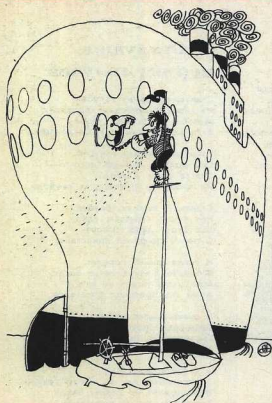
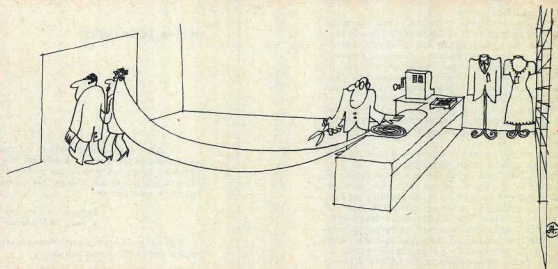
И не утравивая мюви,
Не трогая ласковой рукою:
Ведь не настолько ты сильна,
Что мощнее время успокоит...

Углами черными вдаль
Смешивались с бедной небосвод.
Летят куда-то журавли,
Летят куда-то годы, годы.

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 8/1 1971 г. А 00223. Подписано и печ. 28/1 1971 г. Формат Бум. 70 × 106¹/₄.
Усл. печ. л. 5.6. Уч.-изд. л. 11.55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 289. Заказ № 247.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЗНАЙТЕ, ЧТО Я В АТАКЕ

Слова Эдуарда ВЕРИГО
Музыка Алексея ЧЕРНОГО

На фронт в сорок первом солдат уезжал
При каске, винтовке и флаге.
Тогда на вокзале он тихо сказал,
Как будто добавил к присяге:
«Я знаю, не будет ни ночи, ни дня,
Когда бы я вспомнил о страхе.
И если найти хотите меня,
То знайте, что я в атаке!»
Он шел по дорогам славивших смертей,
Но как-то осенней порою
Он взвал высоту и остался на ней
Под тихой, седою травою.
Но кто, как не он, вновь идет с войско-
выми огнями

С гранитной связкой на танки!
И тот, кто найти захочет его,
Пусть знает, что он в атаке!
Одетый в гранит, он вернулся домой
И бронзовым стал монументом.
Но если раздается призыв боевой,
Он молча шагнет с постаментом.
И ветры взметнут над его головой
В бою опланные стяги.
И если найти хотите его,
То знайте, что он в атаке!
Прошло четверть века, опять в вышине
Скляной рамы светенные,
Чтоб в мире был мир, на Днепре и Двине
Идут боевые ученья.
Здесь все, как на фронте: срежесчет

Броня,
Бросается небо под танки,
И если найти хотите меня,
То знайте, что я в атаке!
Я знаю, не будет ни ночи, ни дня,
Когда бы я вспомнил о страхе.
И если найти хотите меня,
То знайте, что я в атаке!

СВЯТКОГО.

КРОССВОРД

Составил С. ИВАНОВ, полевая почта № 78904-Б

По горизонтали:

6. Порт на Средиземном море.
- Камера для подводной работы.
- Внутренняя оболочка глаза, сетчатка.
- Опера С. С. Прокофьева.
- Пользование инструментом на доголосных условиях.
- Руководитель вуза.
- Автор романа «Обломов».
- Персонаж балета Ц. Пуни «Сестры-альфы».
- Первое количество в газобразном состоянии.
- Могучая запись музыкального произведения для хора, оркестра.
- Оптическое стекло.
- Побудительная причина и действие, развитие.
- Единица силы электрического тока.
- Один из Малых Эондских островов.
- Советский космонавт.
- Роман Л. Н. Толстого.

По вертикали:

1. Искусственная приманка для рыбы.
- Растение семейства лютиковых.
- Архитектурное подразделение.
- Персонаж оперы «Запорожцы на Дунае».
- Пиланист, лауреат Ленинской премии.
- Русский мореплаватель XVIII века.
- Редкий землекоп.
- Древнегреческий математик и астроном.
- Киноактер, лауреат Ленинской премии.
- Искусственное дерево.
- Курорт на побережье Черного моря.
- Спутник планеты Уран.
- Ядро атома радиоактивного изотопа вольфрама.
- Анимоиструктор, плавады Героя Социалистического Труда.
- Орден пограничной охраны.
- Пчеловодное хозяйство.
- Ловчая гитара в соломенной оклеке.
- Город в Рязанской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

1. «Вострел».
- Беспрыг.
- Пойнтер.
- Дубовка.
- Индияна.
- Цитология.
- Рейтинг.
- Докзал.
- «Федра».
- Волынчик.
- Цанхаймон.
- Серос.
- Иксанис.
- Андрит.
- Дидактика.
- «Иенста».
- Биснес.
- Ренский.
- Талпазко.
- Коснуск.

По вертикали:

1. Виландор.
- Трилет.
- Лонхайн.
- Баринд.
- Рубинид.
- Кунашир.
- Анрильда.
- Воллунон.
- Ярославна.
- Новозона.
- Заматва.
- Фисус.
- Али-ов.
- Прагнати.
- Вани-тет.
- Агредина.
- Дом-рис.
- Альбедум.
- Росси-ни.
- Травес.

1. Разделите фигуру четырьмя линиями на восемь частей и из полученных частей сложите квадрат.

2. Среди двенадцати фигур найдите две одинаковые.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНИ» № 3

СВОЕ СЛОВО

Биография молодого армянского художника Григора Манукина пока укладывается в несильно строк. Он родился в Белуге в 1943 году, образование получил в Ереване и Таллине. Закончил Ереванское училище как живописец, Григор поступает в театральный институт. Дальнейшую его судьбу решает поездка в Прибалтику. В Таллине он остается заниматься в Государственном художественном институте. Летом 1966 года он защищает диплом по чеканке. За короткий срок Манукин добивается больших успехов: семь выставок в

Таллине, Риге, Вильнюсе, Ереване, Москве — свидетельство признания его творчества. Случилось так, что именно Эстония с ее хорошо известными традициями в обработке металла помогла Григору найти себя, свой путь в искусстве. Он обнаружил, что металл не менее интересный и увлекательный материал, чем холст и краски. Его паяно не только прекрасные настенные украшения, это поэтические картины в эзисин, о человеке, картины-символы об окружающем. Мир бивальный, ощути-

мо-ральный и одновременно поэтически-философский. Впечатления о виденном превращаются в многозначные образы, обобщенные выражения действительности. Одно из самых работ Григор назвал «Девушки и дороги». Мы как бы следим по ней за жизненными путями, разными, как и сами люди. Другая работа — «Незнакомый город». Эпиграф видит карту-лабиринт с изгагами старинных уломен и «читает» по ним рассказы о первом посещении автором Вильнюса.

Особенно увлекают Манукина циклы — серьезные композиции, разрабатывающие одну тему. Это не вариации, а своеобразные главы, вводящие в новые события. Главные «Жизни человека», «Республики». Последнюю работу художник посвящает республиканам Советского Союза. Пятнадцать чеканных пластин, украшенных национальными орнаментами с вилочными традиционных сюжетов, тонко передают особенности антарной Литвы, горной Армении, жаркого Узбекистана. В «Жизни человека» Манукин обращается к теме сложной и загадочной культуры. Символические картины — «Рождение», «Детство», «Юность», «Молодость», «Старость» и «Вечность» — общие

АРМЯНСКИЙ МОТИВ.

АРМЕНИЯ. Из серии «Республики».

ДРЕВНЯЯ ЛЕГЕНДА.

ОСТОННЯ. Из серии «Республики».

ПЕСНЯ О ПРИРОДЕ.

для людей земли. Познание мира, охватывающая любовь, семья, свершенные деяния, содействие человеку памяти в вечности. Долго, внимательно изучаешь этот калейдоскоп, в котором то появляются, то исчезают лица. Сложный орнамент сплывается плотной тканью, то растворяется, чтобы показать и тут же скрыть очередное впечатление. Художник рисует здесь не какое-то определенное лицо, а пейзаж. Для Манукина личность важна ее делами на земле, а не своей портретной характеристикой.

«Меслы в моем олене» и «Времена года» — продолжение серийного решения темы. Новое — в предельной декоративности этих планов, удачно сочетающих пластику, ритм с цветом и светом и дающих совершенно неожиданный, яркий образ.

Стремление молодого художника не повторять сделанного иными, не цитировать чужих — путь и удачный открытый привело к созданию своего, оригинального метода в традиционном эстонском искусстве чеканки.

Юлия ПЛАТОНОВА